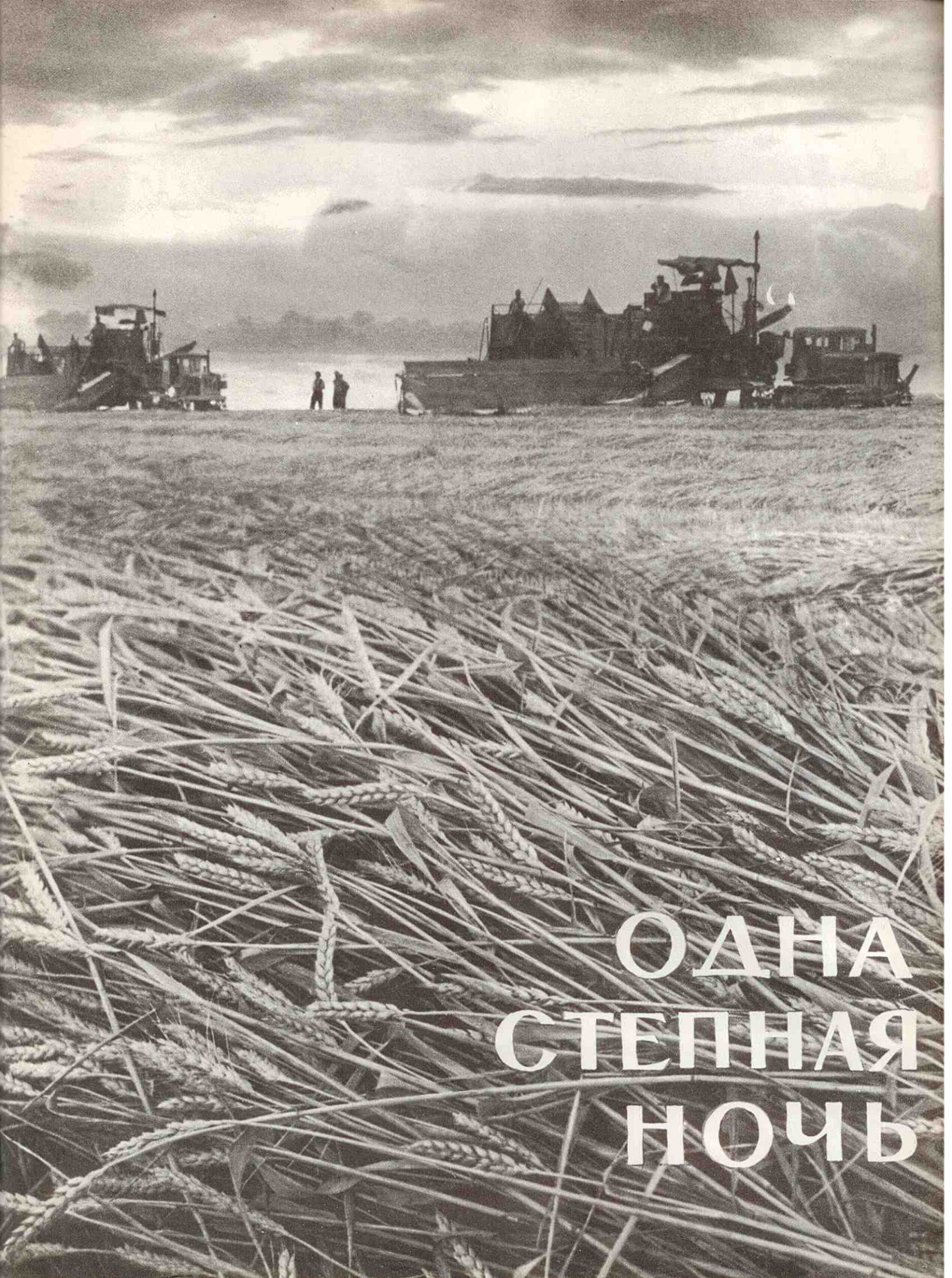

РАБОТНИЦА

ИЮЛЬ

1964

7

ОДНА
СТЕПНАЯ
НОЧЬ

Почти весь день мы добирались до третьей бригады. До Вали Александровой, которая на тракторе, говорят, даст фору иному мужчине. Дорога была, конечно, не первоклассная. Шофер по-городскому приторно маживал и выжимал сцепление, въезжая в разбитую колею, хотя каждому известно, что такие препятствия нужно преодолевать с ходу, не сбавляя скорости. Подфарниками он исправно указывал повороты, что было уже совсем ни к чему. Он и сам знал, что ни к чему, но никак не мог выбить из себя городские привычки. Трудно ему давалась эта новая жизнь на целине! Два раза из солонцов нас вытягивали тракторы. Не успели проехать и пяти километров, как снова забуксовали. Я залез в кузов, надвинул на уши кепку и задремал.

В степи просыпаешься от холода еще за несколько часов до рассвета и чувствуешь на своем лице капли росы. И больше степь не даст тебе заснуть. Нужно только плотней завернуться и полежать так немного, выходя из оцепенения. И ты вдруг заметишь вспарывающие горизонт горячие крупнокалиберные звезды, и услышишь пальцы ветра в своих волосах, и ты будешь благодарен степи, что разбудила тебя. Такие ночи случаются нечасто.

...— Будешь, она сказала, жить в пустыне и питаться акридами,— вдруг услышал я голос шофера. Говорил он в какой-то недоуменной задумчивости. Близко заскрипело сиденье — степной комфорт водителя. Значит, кто-то набрел ночью на нашу машину.— А что такое акриды, а, Юрк, ты не знаешь?
— Акриды? Это одна гадость такая,— ответил Юрка авторитетно.— Их живьем едят.

Ага, так это же Юрий Сахамутдинов! Значит, правду говорят о нем, что и ночью не спит: все ездит по бригадам, отлаживает тракторы и комбайны. И жена у него в третьей бригаде, та самая Валя...

— Вот она мне так ехидно и завернула насчет этих акрид, когда я ей про твое письмо сказал,— продолжал рассказывать шофер.— Я ей говорю: чем так жить — я в одном общежитии, ты в другом,— едем на целину. А она: добейся, говорит, своего счастья здесь, если ты настоящий мужчина. А комнату мне давали. Только я ее Валерке отдал, у них ребенок вот-вот родится. Очень она тогда на меня обиделась. Я уж, по правде говоря, стал жалеть, что комнату отдал. Я, говорит, ничего для тебя не значу, если ты для других такой добренький... Вот сейчас думаю: может, я и в самом деле не мужчина, а, Юрк? Приехал сюда, и здесь как-то все сикось-накось...

— Тут черта с два разберешься,— уверенно сказал Юрий.— Ты-то, может, и мужчина. Ну, здесь, во всяком случае, узнаешь, кто ты такой есть. А она вот, может, и не декабристка. В общем, спи давай. Я тут с тобой подремлю до рассвета, а потом двину в бригаду. Валюху свою надо повидать.

Они надолго замолчали. Только шофер ворочался на своем «комфорте». Не мог он успокоиться, хоть и порядком изматался за день. Он шумно вздыхал и чиркал спичками: прикуривал, наверное, или смотрел на часы. Плыла над нами прохладная и чистая казахская ночь.

Ночью в степи не чувствуешь одиночества. Когда вот так лежишь в кузове под плащом или телогрейкой, даже не хочется курить, чтобы не спугнуть какое-то особенное настроение. Состояние такое, будто заново открываешь для себя этот мир и себя в мире, и ночь проникает в тебя своим теплом и своими звуками, и ты просто осязаешь какое-то вдохновенное родство со всем миром. Со всем спокойствием мира, с его тревогами и заботами.

Ночью в степи далеко слышно. Катится по узкоколейке мотодрезина; несколько километров до нее, а слышно, как колеса погромыхивают на стыках. Возят по этой дороге зерно на Сурганский элеватор, ездят строительные рабочие. Днем в переливающемся на горизонте мареве Сурган похож на восточный город: башни элеватора кажутся минаретами.

В тридцати километрах — центральная усадьба «Дальнего». На усадьбе теперь погашены огни. Над поселком застыла ночь, только не такая простая и мирная, как над степью. В иных домах задернуты шторы на окнах, а за этими шторами тревожное ожидание. Так всегда во время посевной и уборочной. Так всегда ждут большой хлеб — с лаской и тревогой.

Я был в этом совхозе еще в шестьдесят первом, когда командовал им Герой Социалистического Труда Даниил Ива-

нович Нечитайло. Даниил Иванович начал с первого колышка и с палаток над Ишимом, а уходя на пенсию, оставил новому директору тридцать с лишним тысяч гектаров распаханной целины и поселок, который построил своими руками и руками тех, кто приехал с ним сюда вьюжной весной 1954 года. Оставил Даниил Иванович новому директору и людям, с кем начинал пахать и строить на целине, кого воспитывал восемь лет. В поселке за два года выросли двухэтажные дома, комбинат для 150 детей, у которых в свидетельстве о рождении записано: «Совхоз «Дальний» Целинного края».

Днем до поездки в бригаду я встречался в совхозе со старыми знакомыми и знакомился с новоселами 1964 года. Видел нового директора и читал его боевой приказ, припленный кнопками на стене в коридоре конторы: «Выходные дни считать рабочими днями. Детскому комбинату работать с 7 до 21 часа».

Новый директор, новые и прежние люди. Я думаю об этих людях. И здесь, в степи, слышу их дыхание за несколько километров.

...Директор Иван Иванович Шарф сидит, наверное, сейчас в своем кабинете. И делать как будто нечего, а вот не спится. И домой не тянет. Директор «Жаныспайского», его сосед, остался у Шарфа на ночь и тоже спать не пошел. Где-то в Туркмении, а может быть, за хребтом Ала-Тау, возник сухой. Он несется теперь на север со страшной силой. Заденет или не заденет он своим опалаяющим крылом целину? В два часа будет сводка из Москвы. Может, чем-нибудь обрадуют? Оба они сидят и помалкивают, перебрасываясь лишь редкими фразами.

Ночь объединяет людей. Она с тем, кто спит и видит цветные сны, и с тем, кто тревожно меряет диагонали своей комнаты, чтобы сон спящего был спокойней и глубже.

Так всегда. Все десять лет — посевная и уборочная. И ожидание хлеба. Висит на улице Мира в совхозном поселке побитый дождями плакатик «За десять лет совхоз дал стране 1 959 365 центнеров пшеницы. Получил 1 401,9 тысячи рублей чистой прибыли». Все подсчитано до копейки. Ты сеешь и выращиваешь хлеб, и в этот хлеб уложен самый простой и глубокий смысл твоей жизни. Даже в том, что иногда по три года не бываешь в отпуске из-за этого хлеба, тоже свой заветный смысл. Твоя, может быть, тихая гордость.

Совсем близко от меня возится и вздыхает шофер, и рядом с ним чуть слышно дышит Юрий Сахамутдинов, наладчик техники в бригадах. Он решил свою проблему. Ночью идет он к своей Вале, к единственной в третьей бригаде трактористке, своей жене. Он прошагал почти всю ночь с соседнего стана, а придет на рассвете в третью бригаду, поможет жене что-нибудь отладить, привернет какую-нибудь гайку и укатит на полупутке в другую бригаду.

— Юр... А, Юра, а ты ел их?

— Ну, чего тебе? — сонно бормочет Юрий.

— Ну, акрид этих самых ты ел?

— Нет, не приходилось,— помедлив, отвечает Юрий.— Хотел раз в отпуске попасть в «Метрополь», да швейцар не пустил. Я в свитере был. Медаль там, правда, болталась, на свитере, за целину. А он говорит: «Знаем мы вас, хулиганов. Потом еще вилки не хватит». Мне как-то стыдно сразу стало. Вроде голый перед людьми. Их ведь, швейцаров, не переспоришь.

— Ты погоди, Юра, не спи, пожалуйста.. А почему это швейцары так не любят простого человека? Не знаешь?

Журнал основан
8 марта 1914 года

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАБОТНИЦА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
• ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» • Июль 1964 г.

7

— А дело не в специальности. Просто есть еще такие человечки. Любят что подешевле да почище. Да пожрать белый хлебушко. А как самим намекнешь, что его, мол, делать надо да пылиться на тракторе да возле комбайна, так они морду воротят. Еще разводят разную муть: мол, нет смысла. А посмотри на Галку Чмиль или вот на мою Валю хотя бы. Тоже ведь москвички. Выходит, нашим девочкам есть смысл, а им, значит, нет?

Не спит в эту ночь и Галя Чмиль... Осторожно прикрывает дверь своего дома и в зыбкой темноте идет она по улице поселка мимо школы и новой конторы. Заглядывает мельком в окно директорского кабинета и видит: Шарф дремлет, урони голову на стол, на какие-то свои бумаги. Директор «Жаныспайского» курит с закрытыми глазами, положив ноги в сапогах на валик дивана.

Галя отпирает окованную железом дверь своей операторской. Мерцают индикаторные лампочки. Эфир потрескивает, и журчит, и перестреливается своими точками-тире. Операторская wpłyвает в ночь и покачивается над целиной, осторожно оглябая спящие поселки и зорко вслушиваясь в их теплую тишину. Галя сегодня дежурит. Она отвечает за все события ночи, за покой и тревогу тишины.

«Та-ти-та», — стремительно верещит в эфире. Кто-то работает ключом. Просто, наверное, тренируется. Галина ладонь машинально ложится на ключ. Она включается в разбросанный ритм точек-тире: та-ти-та... «Девчонка в капроннике тонком»... — ти-та-та-ти... — «и в туфельках модных стоит»... — Ой, мамочка, что же это такое! Три точки — три тире — три точки. «И шагу ступить не может. А снег все летит и летит...»

И целина уже не мерцает под операторской спокойными огнями поселков. Шляется по целине апрельский шальный ветер, и пригибает редкие метелки прошлогоднего ковыля, и, забираясь в балки с пожухлым ноздреватым снегом, выскакивает оттуда, вконец осатаневший от холода.

...Даниил Иванович встретил их тогда в Есиле. Подогнал к вагонам грузовик, а в кузове грузовика лежала гряда тулупов. Девчата так и прыгали из вагона прямо в кузов, прямо в эти тулупы, и директор Нечитайло каждую собственноручно заворачивал в тулуп и подтыкал полы, чтоб не дуло. Даниил Иванович Нечитайло, первый директор... Ему было 52, а ей — 18, а Вале Александровой — 20, а Вале Королевой — тоже что-то около этого. Все они были девочки какие-то несобранные, неопределившиеся. Какие-то без стержня, что ли. Им-то вроде и терять было нечего: вся жизнь впереди. Это всегда так кажется, что нечего терять, когда ничего не приобретено. Ну, зато Даниил Иванович очень хорошо знал, что к чему. Теперь и Галя это знает. Спасибо ему, директору Нечитайло.

Привезли их, 85 девчонок, из Москвы и Подмосковья в «Дальний», к палаткам над Ишимом, а Сашка Зайцев выскочил из палатки в трусах, но с трубой от какого-то эстрадного оркестра. Пританцовывая на холодной земле посиневшими ногами, Сашка долго и вдумчиво выводил какую-то приветственную руладу. Всех, конечно, потрясло такое дарование, вообще растрогала встреча. Только Валя Королева отнеслась ко всему довольно прохладно. Она села в палатке на чемоданчик и закрыла лицо руками.

— Ой, будем жить здесь, как солдаты. — Она икала и всхлипывала. Била ее продольно-поперечная дрожь. — И мыши здесь, наверное, водятся, ой...

...Эфир шуршит и переливается в комнате.

— Алло, «Дальний», «Дальний», как слышно? Прием.

— Я «Дальний». Слышу вас хорошо.

— Работа № 73, касается всех совхозов.

— Сейчас, сейчас. Ну, давай, Люсенька, что там у тебя есть для всех совхозов.

— «В целях поднятия надоев обязуем вас вывести дальние гурты на лучшие пастбища с хорошим водопоем. Большаков».

«Работа № 74. Завтра на всей территории Среднего Казахстана ожидается ясная солнечная погода».

Когда сидишь в операторской, вся целина как на ладони. Выводите, зоотехники и гуртоправы, свои гурты на дальние отгоны. А сухой прошел стороной! Ты и тревожишься и радуешься за нее, за целину. И главное-то дело в том, что есть тебе чем жить, о чем беспокоиться.

Бывает, наверное, какой-то рубеж, инкубационный период, что ли, после которого имеешь право называть себя по имени-отчеству. Это когда в человеке родится Человек. Человек по смыслу.

Кем они были, 85 московских девчонок? Мастерами — заготовщицами обуви, мотальщицами на ткацких станках, машинистками... Специальности вроде бы приличные. Говорят, все работы почетны. Только не в каждой работе найдешь себя. При условии, конечно, если ты себя ищешь.

— Прицепная специальность, — сказал директор и поставил всех прицепщицами.

И начался «инкубационный период».

Прицепная специальность — это едкая жирная пыль. Это или обрезай свои косы, или суши их каждый вечер у самодельной печки, которую сложил на печник, всего-навсего слесарь-лекальщик пятого разряда. Прицепная специальность — это узкоколейка, которую помогали строить, и дома, и клуб, и столовая, с которой как-то раз ветер сорвал крышу, и они обедали, спрятавшись от дождя, под столами. Словом, имела она множество оттенков, прицепная специальность.

Директор в любую погоду на рассвете купался в Ишиме. Потом шел будить девчат. А они с Валеи один раз не вышли на работу. Лежали на койках с растопыренными пальцами, будто смазали они руки кремом на ночь. Директор довольно резко спросил их, почему не на работе, а они только показали свои ладони: разгрузили накануне вдвоем платформу кирпичика.

— Лежите, и чтоб я вас пять дней на работе не видел, — сказал директор тем же тоном.

Вот как он проходил, этот «инкубационный период». Валя Королева так и не привыкла к мышам. А мышей-то не было. Это сама Валя была маленькой серенькой мышкой.

Но вот такой человек не сошелся с целиной характером, и в качестве оправдательного тезиса принимается поливать ее жирной грязью: там, дескать, и есть нечего, и спать не на чем, и кинофильм «Моя бедная любимая мать» показывают чрезвычайно редко. Мол, на заре туманной юности всей душой любил я девушку, а потом волею судеб пути наши разошлись. Так Валя Королева делилась с москвичками знакомыми впечатлениями о целине.

Директор как-то позвал Галю в свой кабинет.

— Я тут одно письмо получил. От мамы твоей. Просит, чтоб я тебя отпустил. Ты, в общем, сама решаешь.

— А что мне решать? Это все Валька там натрепалась. Ну, доберусь я до нее!.. Пошлите лучше, Даниил Иванович, на курсы трактористов.

Как появляется эта тревога, когда уезжаешь в отпуск и месяц или два нет тебя в степи? Вдруг магнолии тебе не магнолии, и бархат Одесского оперного театра жестче фанерного клубного стула. И эта какая-то лихая и бесшабашная гордость за целину перед теми, кто о ней почти никакого представления не имеет.

Валя Александрова рассказывала — смеху было... Ехала

Поселок совхоза «Ярославский». Сотни таких благоустроенных поселков выросли на безбрежных степных просторах Казахстана.

Закат на Ишиме.

Не менее воинственную игру ведет Вашингтон и в Латинской Америке. «Жесткий курс», провозглашенный государственным департаментом в начале года, предполагает теперь организацию вслед за переворотом в Бразилии путчей военизированной полиции в таких странах, как Чили, где национально-патриотические силы добились серьезных успехов в предвыборной кампании, и в Аргентине. Такая политика, как показала трагедия Бразилии, несет народам континента новые жертвы и лишение политических свобод.

В Вашингтоне часто и много говорят о желании «добиться разрядки напряженности», но действуют наоборот. В июне мир снова услышал об агрессивных планах создания многосторонних ядерных сил НАТО. Советское правительство, как известно, не раз заявляло, что эта затея стратегов Пентагона очень опасна: она ведет к распространению ядерного оружия и увеличивает угрозу возникновения термоядерной войны. Это понимают и союзники США, которые с неодобрением относятся к американскому плану. Исключение составляет лишь Федеративная Республика Германии. Западногерманские реваншисты всячески рвутся к ядерному оружию. Именно за этим и ездил недавно канцлер ФРГ Эрхард к президенту Джонсону. Тут он поддержку получил. А вот попытка его добиться благословения Запада на агрессию против Германской Демократической Республики успехом не увенчалась. К провокационным требованиям о «воссоединении» Германии на его, Эрхарда, условиях правительство США отнеслось весьма прохладно. И тут, видимо, сказалось отрезвляющее воздействие договора о дружбе и взаимопомощи, подписанного 12 июня в Москве между СССР и ГДР.

Тем не менее настойчивое стремление политиков США осуществить план создания многосторонних ядерных сил — это серьезное препятствие на пути к ослаблению напряженности и соглашениям в области разоружения. Подобная политика затрудняет, например, заключение соглашений в Комитете 18-ти, который возобновил в июне свою работу в Женеве. Отражается она и на политической обстановке в самих США, где в разгаре предвыборная борьба. Ведь это поразительный факт, что республиканская партия, некогда основанная великим Линкольном, собирается выставить своим кандидатом в президенты лидера «бешеных» Барри Голдуотера! Это — новое подтверждение влияния финансово-промышленных кругов США, которые отнюдь не заинтересованы в успехах политики мира и всеми силами стремятся сохранить климат «холодной войны».

Таковы вкратце главные события международного июньского калейдоскопа. События, и всеяющие надежду и вызывающие тревогу за судьбы человечества.

Два курса. Один освещает людям путь в будущее. Другой покрывает его тенью военных угроз. И, сравнивая их, все больше простых людей приходит к выводу: победит первый, потому что он устремлен в будущее. Опыт июня 1964 года еще раз подтверждает правильность этого вывода.

Пристань прогулочных катеров в центре Копенгагена... Новый жилой район в Стокгольме... Город мореплавателей и рыбаков — Осло... Здесь, по древней скандинавской земле, пролег маршрут мира и дружбы — поездка Никиты Сергеевича Хрущева в северные страны.

Фотохроника ТАСС.

Рисунок Н. ГОРДЕЙЧИКА.

Из первых рассказов

ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ

Татьяна ГЛИНКА

Наша палата на восемь коек. Здесь лежат те, кому скоро выписываться.

Час послеобеденный. В палате томящая жара, дрема. Но вот тихо открывается дверь, и сестра вводит пожилую, ничем не приметную женщину.

— Вот ваша койка, располагайтесь. Все оживляются: все-таки событие.

— Полеживаем, бабочки? — голосом, как бы приглашающим к шутке, говорит женщина, озорновато усмехаясь неяркими, утомленными глазами. — Ты

себе валяешься, работать не надо, харчи хорошие, девяносто процентов зарплаты идет...

— Бережна-а-ая! — несется снизу, из сада.

— Меня! — радуется женщина и спешит к окну.

Значит, это и есть Бережная? По несколько раз в день мы слышали эту фамилию и завидовали: «Опять к Бережной!»

Так появилась в нашей палате Рая.

Быстро знакомимся. Рая — ткачиха, работает на шести станках. Привезли ее с грыжей, операция прошла хорошо, и теперь, хотя Рая только что расхваливала больничное житье, ей никак не улыбается здесь задерживаться: обязательно к первому сентября надо домой — отправлять детей в школу. Их у нее трое.

— Муж у меня хороший, — как бы вскользь говорит Рая, — моложе меня.

Скоро выясняется, что Рая вовсе не пожилая, ей сорок два. И если приглядеться, совсем не невзрачная. Только худая и бледна очень. Лицо ее освещает спокойная, шутливая усмешка. Из-за этой усмешки да из-за грубоватой бойкости женщины часто, глядя на нее, покачивали головами:

— Ой, Райка! Озорная, видать, бабенка!

А однажды все мы делаем удивительное открытие: Рая, оказывается, бывает красива.

Это случилось как-то под вечер, после обхода, когда она заговорила о своем первом муже. Видно, настиг ее тот особый, редкий час, когда люди становятся щедро откровенными. Это часто бывает в дальних поездках или вот так, в больнице. Удивительно изменилось тогда Райно лицо: озорную ухмылку сменила какая-то задумчивая, мечтательная улыбка, и неожиданно открылось, что лицо это очень женственно и красиво.

— Первого-то свою я люби-и-ла, — говорит она убежденно и благодарно, с упором на это «любила». И как-то сразу настораживается сердце, понимаешь, что речь идет о настоящем, большом, сокровенном. И еще проскальзывает сожаление, потому что в этом подчеркнутым распевном «люби-и-ла» улавливается, что второго мужа, она, видимо, не любит, а если и любит, то иначе, меньше; словом, жизнь повернулась так, что мечта уступила место быденному.

— Мы с ним сызмальства друг друга знали, — продолжает Рая неспешно, вполголоса.

В палате тихо. Кто откладывает книгу, кто придвигается к краю матраца.

— Избы наши рядом стояли, — задумчиво течет Райн голос, — поменьше были — зимой на речке, на ледке, бывало, пропадем до черноты. Летом за грибами ватагой ходим, со всего колхоза однолетки. Нам с Колюшкой всегда по пути, соседи ж. Стали, как родня. А любовь пошла с божьей коровки. — Рая рассмеялась хрипловатым и все-таки нежным смехом. — В поле картошку мы убирали. Ну, полдничали, под березами сидели. Вдруг Коля меня за руку взял, я бутылку с молоком до рта не донесла. «Райка, — говорит, — у тебя по волосам божья коровка ползет!» «Ну и сними», — отвечаю. А он смотрит не на волосы, а мне в глаза. «Красивая, — говорит, — какая божья коровка! Рая, да у тебя и глаза, как божьи коровки, с кра-

пинками!» А сам все глядит. И вдруг скраснел. Чего это, думаю, он скраснел? И тоже внимательно так глянула ему в глаза. И как потонула. Глаза чистые, глубокие, как те лесные озера, отстоявшиеся после дождя, в которых солнце отражается. Прожили рядом столько лет, а впервые глаза его увидела. И чувствую, словно крапивой меня по лицу хлестнули, вся враз вспыхнула. Ну, оба мы враз глаза и опустили. А все кругом гудят-разговаривают, будто ничего и не случилось. И вдруг рассмеялся кто-то, за ним все разом захохотали. Надо мной, оказывается: я пустую бутылку ко рту поднесла.

С этого и пошло. Повернуло меня к нему, как подсолнух к солнцу. Ему в армию идти скоро, а мы уж фактически муж и жена. С перепугу вылетели мы из колхозного гнезда, да сюда, к тетке, и прикатили. Я на эту самую нашу фабрику ученицей пошла, а Колюшка тоже в ученики, слесарить. Здесь и зарегистрировались. Жили, как в сказке. Ну, это, конечно, теперь, издали, кажется. А тогда жили, как все. То гладко, то с ухабами. Дали нам комнату. Родился мальчик да помер. Два месяца прожил. Слегла я, Коля меня еле выходил. Только оправляться начала, а тут война, и Колю моего призвали. Многим ребятам повестки тогда пришли. На провода ребята припасли водки, выпили, я тоже с горя выпила и, как в тумане, на станцию. И речи промеж нас с Колюшкой только и было о том, как будем жить после войны. Война, мол, скоро кончится, пойдут у нас дети, первенский будет мальчик. Приехали в город, нашли эшелон и будто протрезвели. На платформе гармошки воздух рвут, надрываются, женщины плачут. Глянула я на Колюшку свою, а он стоит словно пастушок, в поясе тоненький, беленький. Ну, совсем мальчик. Чего там — ведь девятнадцать лет!.. Заревела я, и он тоже. По плечам меня глядит... И не сказал: ты, мол, жди, Рая, или там чего в этом роде, молвил только: «Как без меня проживешь?..» И пошел... Оборотились вдруг гармони. Пополз эшелон. И остались мы, режущие бабы, одни на платформе. На рельсы сбегали, за составом гонимся, голосим, спотыкаемся, падаем...

Рая приостановилась. Мы молчали, вспоминая каждый свое.

— Писем много писал,— продолжала Рая.— Все они у меня, треугольничек в треугольничек, так и лежат в коробке. Ну, в общем, что там говорить, у многих это было... Да... А в сорок третьем получила похоронную.

Говорят, жена — мужняя половина. А он моей половиной был. И у меня было такое чувство, будто мою половину убили. Стала с тех пор я, как полумертвая. Снаружи не видно — шучу даже, бывало, а все равно полумертвая. Как-то ночью — уж после победы это было — села я на постели, луна в окошко светила, оглядела свою комнату в девятнадцать метров. Она при луне-то еще большей мне показалась. А сию-то я в ней одна, сама себе лишняя, никому на свете не нужная. Колхоз немцы сожгли, отца с матерью убили... И подумала я тогда: что же, Райка, помирять будем? И тут же другая мысль: умру я, и все со мной умрет, будто и не было. И Коля умрет, потому что живет он теперь только в моей памяти. Нет, буду жить! Заведу себе сыночка, назову Колюшкой... И

будем мы с ним жить, как другие живут.

Решить-то легко, а как выполнить? Мужики-то после войны стали на вес золота, а нами, бабами, хоть пруд пруди. И от кого попало тоже не хочется. Включила я свет, в зеркало примерилась внимательно так, мужским вроде бы взглядом: глядит на меня баба не старая и не молодая, глаза потухшие, худющая. И ничего-то в ней нет, что мужикам нравится. Да и отвыкла я, ни на кого столько лет не глядела. Они на меня тоже давно глядеть перестали. Да и что они после моего Колюшки...

И все-таки завела я себе помаду губную, даже раз сходила на танцы. Но там все молодые кружатся. А меня никто и не пригласил. Так и простояла весь вечер у стенки, стыда только набралась. Ведь вот, поди ж ты, на работе, на собраниях я бойкая, все слова нужные у меня под рукой, а в таком деле робкая совсем, непривычная.

На танцы я больше не пошла, однако решения своего не отменила. А тут неподалеку старички одни квартиранта пустили.

Моложе меня мужчина, только нелюдимый какой-то, сумрачный. У него, оказывается, своя беда: жена загуляла. Любил он ее очень, но как узнал, что другой у нее появился, ушел. Подал на развод. Ну, суд развел их, конечно.

Взяла я у него как-то бельишко постирать. Через несколько дней пришел он за ним. Раз пришел, два пришел. Ну, на меня, может, он так и не взглянул бы, да одиночество нас сосватало. Забеременела я. И такое меня счастье охватило! Сказала Володе: жду ребенка. Он против меня за столом как раз сидел, в стакане ложечкой позвякивал. Скучно так спросил: «Ну и что?» Будто речь о самой до него некасаемой малости идет. Зло меня взяло. «А то,— говорю,— мой дружок Володенька, что мы теперь с сыном нашим в вас не нуждаемся. До свидания!»

Он глянул на меня оторопело, поднялся. «И все?» — спрашивает. «Все!»

После на улице встречались, ни здоровствуй, ни до свидания...

Родила я. Только не Колюшку, а близнецов — Нинушку с Галкой. Это они под окном каждый день меня кличут. А тогда заплакала даже, как сказала, что девочки. Но это только в первую минуту было. Потом страшно стало: как выращу? Ведь подумать только: сразу двое, ответственность-то какая! Раньше думала, что никакого мужика мне не надо, а теперь другие думки пошли: мне не надо, а девчонкам-то отец нужен. Эх, думаю, эгоистка ты, Райка, зачем детей заводила, о себе только думала, подлая. И стала я о Володе загадывать: а может, все же придет на детей взглянуть? Ох, и тошно ж мне тогда было! Вроде бы я и Коле изменила и с девчонками в ловушке оказалась.

И вот — стук в дверь. Является. Под вечер дело было. Мрачный, как всегда. Стоит, кепку мнет, спрашивает: «Ну, с чем тебя поздравить?» У меня сердце упало. Чужой он, чужой и есть. «Не с чем,— говорю,— а с кем». «Мальчонка, значит, у тебя не получился?» — говорит, и — чудо! — что-то наподобие улыбки на лице засветилось. Подошел к кровати. А Галка с Нинушкой, помню, накормленные, спали, посапывали. Чистенько я их

держала, личики розовые, что два шиповника-цветка.

И вдруг он спокойненько так, по-своему, словно сто раз до того говорил, замет: «Мать, а мать!» Будто в ставень стукнул — раскрылось мое сердце. «Чего?» — спрашиваю. Хотела поглубже, а получилось шепотом. И он мне шепотом: «Вроде на меня похожи, а?»

Постояли мы над кроватью, ни о чем не договаривались, но на другой день он пришел уже с узелком. И стала у меня семья. Ни о какой любви промеж нас ни одного слова не было. Я, правда, по-бабьи стала выпытывать: «Ты Ксанку еще любишь?» «Чудная ты, Рая,— отвечает,— как я могу ее любить, если она любовь мою ногой, как плевком, затерла?»

Больше я не спрашивала. Так и стали жить. Через три годика появился наконец Колюшка. Решили мы зарегистрироваться. А до этого не хотела я. Из-за Коли.

Пришли в загс. Только вошли, а там военный с девушкой. Как увидела его ордена, войной на меня дохнуло. Показалось, будто это Коля стоит. И все вдруг от меня отодвинулось, хочу уйти, и все. Еле сдержалась.

Спросила меня регистраторша: «Вы, гражданка, какую фамилию берете, новую?» «Эту оставим... старую», — говорю.

Так и есть у нас в семье, все мои — Мочаловы, а я одна Бережная, по Коле.

Рая примолкла, молчали и мы.

— Ну, а что Володя сказал тебе на это? — спросила ее соседка по койке.

— Ничего. И тогда и потом — ничего. Только один раз. Пришел фотограф на дом, и отдала я Володину карточку увеличить. Готовый портрет получил, а куда деть, не знаю. Не повесить — обидится. А на стене с довоенного времени мой большой портрет и рядом Колин. Ну, я и повесила Володин портрет рядом со своим и Колиным. Вот тогда Володя единственный раз и сказал мне: «Рая, я знаю, ты мужа своего первого любишь до сих пор. Я это понимаю и ничего тебе не говорю: сам его уважаю, он за Родину жизнь отдал. А только нехорошо: твой портрет и наши оба при тебе. Убери,— говорит,— или Колин портрет, или мой, если хочешь».

Я его поняла и Колин портрет в комод спрятала вместе с письмами.

Кто-то спросил:

— Ну, а теперь любишь ты его?

Рая оттолкнулась от нас на миг замкнувшись, непреклонным взглядом.

— Я же сказала: первого мужа любила... А это совсем другое — семья, дети...

— А он?

— И для него, думаю, тоже — семья, дети...

Назавтра было воскресенье, день посещения. Юная медсестра то и дело совала в дверь свое добродушное, еще не долепленное временем личико и провозглашала с забавным бесстрастием:

— Бережная, к вам пришли!

Сначала к Рае пришла подруга с работы, принесла внушительный торт от месткома.

— Это что же делается! — запримечала она с порога. — Мы там работаем, а она, понимаешь, тут жиры наращивает! Когда выпешут-то, Рая? Скукота без тебя зеленая!

Потом, как ежонок в мультипликационном фильме, снятом по методу ускоренной съемки, забегал Володя — уж

до того торопился! Из сада хором и порознь вызывали его дружки. Он наспех рассказал самое главное: как вчера в лесу они поймали змею. Рая отдала Колюшке коробку с тортом. Мы возмутились:

— Как?! Ему одному?

— Пусть. Он маленький. Девки его, небось, там обижают без меня.

Ну да, такого обидишь!

Колюшку сменила Галка, передала варенье от соседки.

— Мам, ты ешь все, что дают там у вас,— заботливо говорила она,— поправляйся, слышишь, мам?

Потом прибежала Нинушка, раскидала уйму веселых слов; было такое впечатление, будто западали на пол яркие, легкие бусинки.

А Володя не пришел: он чинил обвалившийся погреб, объяснила Рая, скоро картошку выкапывать.

Через несколько дней Рая выписывалась. Все мы столпились у окон, чтобы помахать ей на прощание, по больничному обычаю.

На скамейке возле клумбы в позах терпеливого ожидания сидели Галка и Нинушка, а чуть поодаль стоял коренастый мужчина в рабочей одежде и, сильно затачиваясь, курил. Видно, забежал в обеденный перерыв. Он спокойно встретил наши любопытные взгляды и так же спокойно отвел неувлечивые глаза. Я представляла себе Володю моложе, а оказалось, лицо его было порядком иссечено глубокими морщинами. Густые, сросшиеся брови придавали чертам суровость. Угадывался человек немногословный, нещедрый на улыбки и шутки. Женщины наши стали перекликаться с девчонками — он даже взглядом не принял участия в этих переговорах.

И вдруг я изумилась: не прошло и минуты, а передо мной стоял как бы совсем другой человек. Застенчивая, медленная улыбка тронула губы, он нахмурился, сился побороть ее, и шагнул навстречу Рае. Остановился, переминаясь с ноги на ногу, а на лице все яснее проступало это неравное единоборство улыбки и нахмуренных бровей: чем суровой хмурились брови, тем неудержимей становилась улыбка. Девочки подскочили к матери. Рая на ходу, тоже заливаясь улыбкой, скользнула рукой по Галкиной косе, грубовато-шутливо ткнула в живот Нинушку, посмотрела по сторонам, видимо, отыскивая Колюшку, и вот уже все четверо образовали маленький кружок и заговорили разом. Среди восклицаний и говора девочек я разобрала два голоса: глуховатый мужской: «Ну, мать, совести в тебе нет: совсем забыла семью!» — и почти одновременно ставший вдруг напевным Раин голос: «От-е-е!»

С каким-то снисходительным и добрым пониманием она похлопала мужа по плечу.

— А небритый, а заросший!..

— Да понимаешь, мать...

И они пошли, все четверо, к воротам. А меня вдруг осенило: да ведь это ж любовь! Вспомнились Раины слова: «Первого-то свою я люби-и-ла!» и еще: «А это совсем другое — семья, дети...». Догнать ее, что ли, отозвать, раскрыть глаза? Это же любовь и есть! Другая — и та же. Вернее, щедро приютившая ту, первую...

Да что я! Все она понимает лучше нас, все она знает сама, эта Рая.

Голоса белорусских погруд

Констанция БУЙЛО

Язык деревьев

Люблю бродить в лесу. Люблю в потоке дум
Деревьев голосам внимать неторопливо.
Различен их язык: у каждого свой шум,
У каждого свои, особые мотивы.

Как будто бы цимбал иль гуслей плавный сказ,
Шум сосен золотых. Задумчивый, широкий,
Подчас овеянный печалью неглубокой,
Мне вдохновенье в дар он приносил не раз.

У елей звук иной. Простой и домовитый,
Напоминающий в оркестре контрабас,
И словно в музыку высоких сосен влитый,
Короткий свой рассказ ведет он без прикрас.

Осина вся дрожит. Как горькую вдовицу,
Ее преследуют беспомощность и страх.
Одна она, одна... Где бедной приютиться?
Какая боль в ее трепещущих листьях?

К поляне выбежав, невестой разодетая,
Березка пьет лучи и светится листвою.
Зовет она подруг к себе на праздник свой —
Настала для нее пора любви, расцвета.

Дуб тяжело вздохнул... Так боль былых времен
Дед ворошит порой, чтоб жизнь ценили внуки.

Но вот встряхнулся дуб: ввысь простирает он
Не сучья праздные — мозолистые руки.

Эди ОГНЕЦВЕТ

Минуты, минуты...

Посвящается работникам
Минского часового завода.

Умелые девичьи
Нежные руки
Часы смастерили
Под маркой «Заря».
Я слышу

их тонкие,
Ясные звуки.
Минуют минуты —
И в путь мне пора.

Часы!

Ваши стрелки —
Как жизни дороги.
А маятник — это
Тревога души...
Минуты бегут...
Пролагают пилоты
За трассою трассу
Меж звезд и планет.

А здесь, на Земле,
Для грядущих полетов
Являются
Новые люди на свет.

Лишь миг — и раскроется

Клейкая почка,
Пробьется на волю
Зеленый листок.
И кажется:

стрелки
Весеннею ночью
Спешат —
ускоряет их
Жизни поток.

Счастливые
Времени не наблюдают...
Зачем торопить вам
Влюбленных домой?
Пусть ярче и долше
Их звезды сияют,
Пусть радость их будет
Всегда молодой!

В час отдыха,
днем,
На рассвете ли чистом
Зовете меня:
«За работу,

пора!»
Как будто осколок
Зари золотистой,
Мне светят часы
Под названием «Заря».

Мария ШЕВЧОНОК

Земная

Меня, может статься, спросят,
Откуда и кто я такая.
С чувством великой гордости
Я отвечу: «Земная» —
И покажу, ликуя,
Землю — звезду родную.
Вот она. Все тут мило.
Тропинкой вон той я ходила,
За этим озером синим
Весны встречала и зимы.
А там, за лужком, — деревья,
Березки до самой деревни.
Раскинулся сказочно вереск.
А в небо глядишь — не веришь,
Что здесь, над моей головою,
Величие его голубое,
Что в сердце моем, со мною,
Похожа на каплю росную, —
Звезд бесконечная россыпь.
Меня, может статься, спросят,
Откуда и кто я такая.
С чувством великой гордости
Я отвечу: «Земная».
Так отвечая, чую
Всю красоту земную.

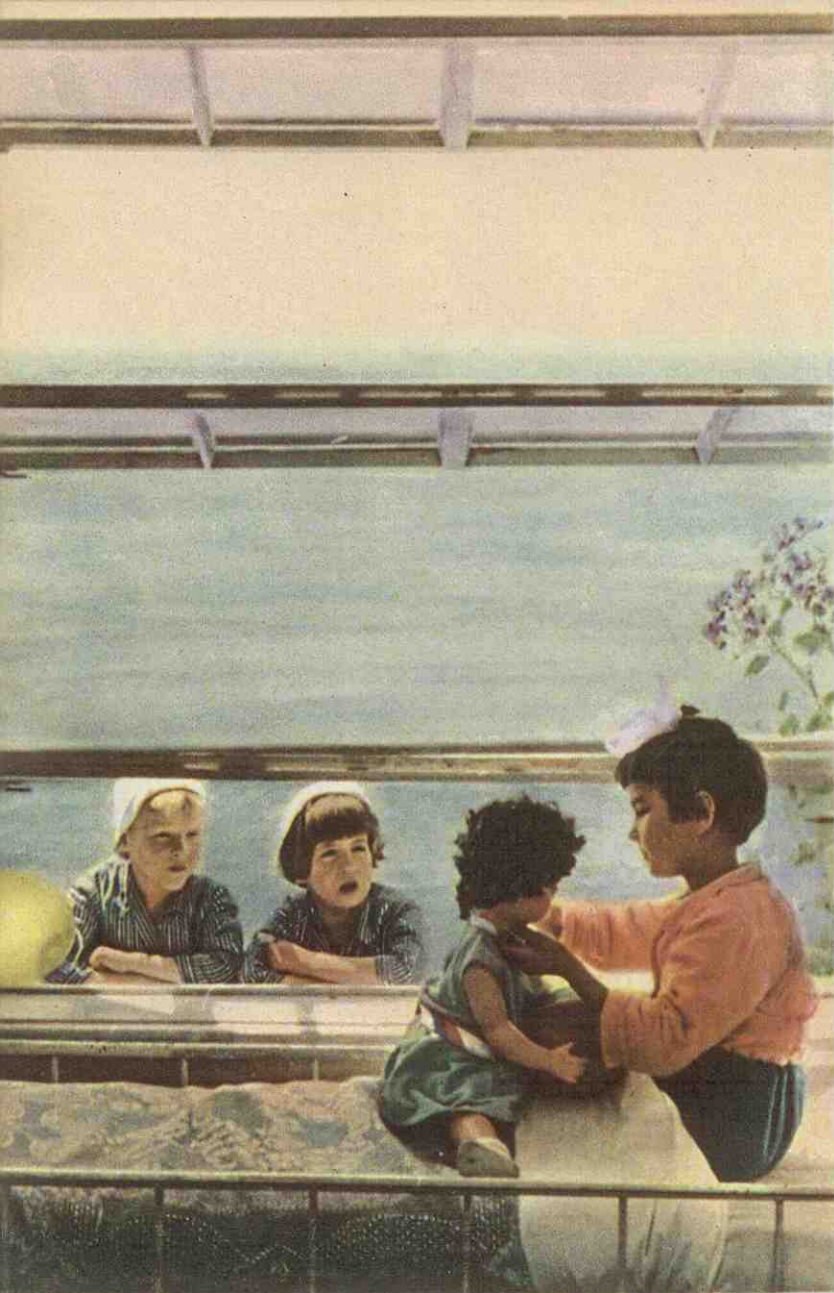
Перевел с белорусского
А. КОРЧАГИН.

Б. ВАКС. НА ЦЕЛИНЕ.

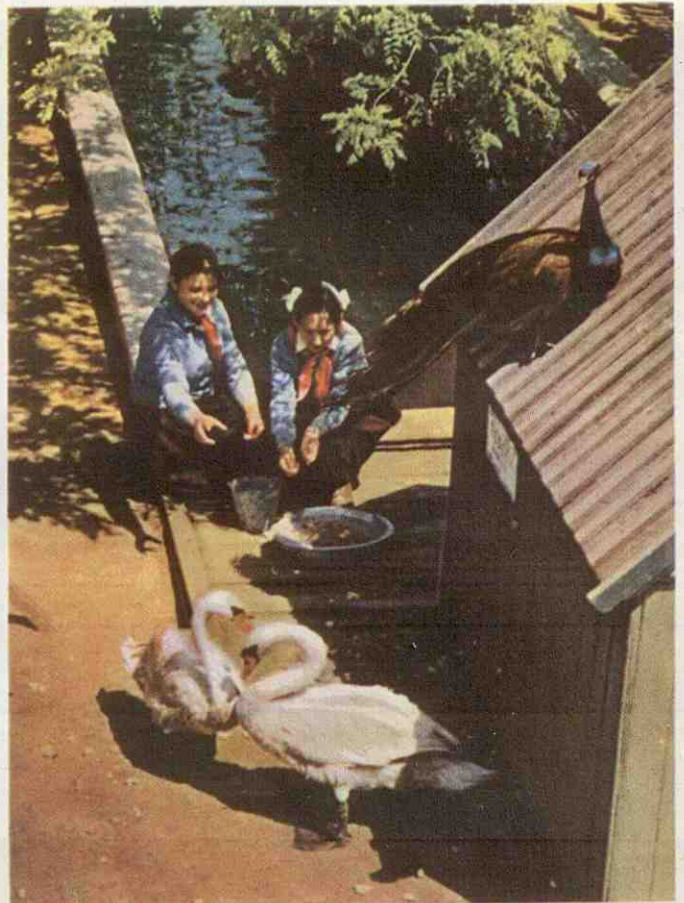
ГОРОД, ОТ

Фото Н. МАТОРИНА.

В санатории «Орленок» круглый год живут и лечатся ребята. Здесь вновь возвращается к ним здоровье, а с ним радости детства.

Веселый «прокат» в городском парке. Здесь и быстროногие кони с упряжкой, и велосипеды, и автомобили...

У ребят санаторного детского дома есть свой зоопарк.

ДАННЫЙ ДЕТЯМ

Евпатория — лучшее место на Черноморском побережье для детского курорта. Солнце, море, песчаный пляж, целебные грязи и источники...

Подходят к перрону поезда. Это веселые поезда: в каждом вагоне красные галстуки, радостные улыбки, задорные песни. К морю едет пионерия.

Выстроились, как на линейке, автобусы на привокзальной площади. Вот остановился запылавшийся поезд, и сразу зазвенели фанфары, трепетно дрогнули барабанные палочки.

Салют, пионерия! С прибытием!

Расплескались по площади алые галстуки и белые панамки, стало шумно и празднично. Когда украшенные зелеными ветками и флажками санаторные автобусы тронулись с места, отделилась от них большая колонна, вырвалась на окраину и взяла курс на западное побережье, где протянулась цепь пионерских лагерей — «Маяк», «Днепр», «Салют» и другие. Это аллея Дружбы. Сегодня к западу от Евпатории, на берегу Каламитского залива, подняли флаги девять лагерей. А сколько их будет завтра?

Строители не покидают строек новой республики — «Пионерии»: прокладывают автотрассы, разбивают скверы, возводят новые корпуса... Аллея Дружбы своим ансамблем изящных, легких зданий с балконами и аэриями, молодыми парками и благоустроенными пляжами соперничает со всемирно известным «Артеком».

Меняется на глазах побережье. А море? Оно остается прежним, только теперь его будят на заре горны и веселая песня:

Встань пораньше, встань пораньше,
встань пораньше.

Только утро замаячит у ворот.

Ты увидишь, ты увидишь, как

веселый барабанщик

В руки палочки кленовые берет...

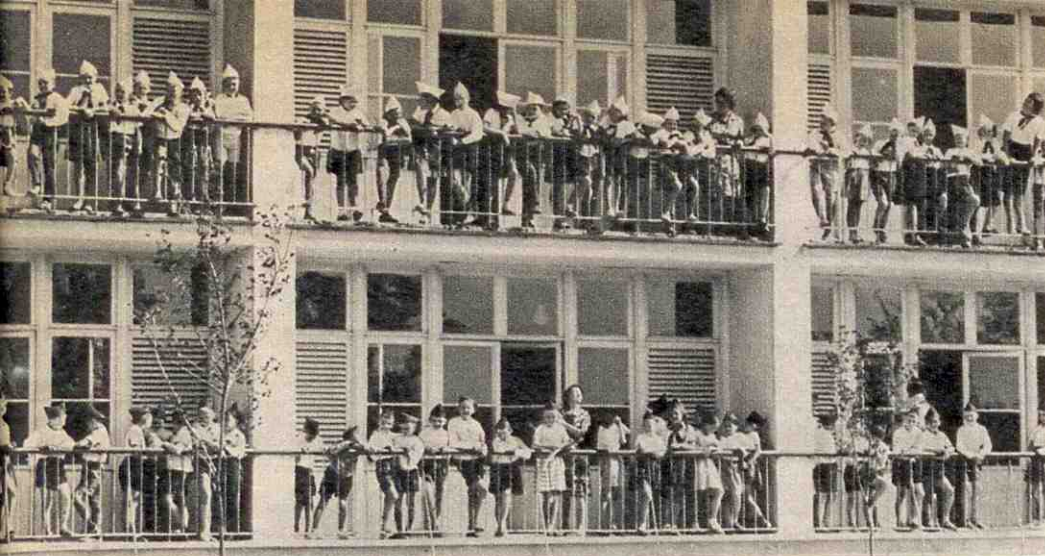
Хорошо ли отдыхают ребята? Этот праздничный вопрос лучше им не задавать. Ведь тогда надо будет подробно рассказывать о многочисленных походах и экскурсиях, о соревнованиях и вечерах, об интересных встречах, например, с космонавтом Германом Титовым... Но им некогда, ну просто нет свободной минуты... Вон видите у причала теплоход? Он повезет их в город-герой Севастополь...

Всего в Евпатории в пору школьных каникул действуют около тридцати пионерских лагерей.

У самого синего моря выстроились легкие замки — детские санатории:

Евпаторийское утро

Имя этого пионерского лагеря — «Чайка». Он назван так в честь первой женщины-космонавта Валентины Николаевы-Терешковой.

В «Чайке» не умолкают веселые песни.

«Смена», «Южный», «Родина», имени Н. К. Крупской... Здравниц много, и год от года их становится все больше. Они принимают ребят с ослабленным здоровьем и больных. Здесь излечивают болезни, считавшиеся до недавнего времени непобедимыми: костный туберкулез, ревматизм, инфекционный полиартрит. Дети находятся в санаториях до полного выздоровления. Ребята продолжают учиться, приобщаются к труду и даже получают специальности киномехаников, машинисток, фотографов... Врачи делают все, чтобы они как можно скорее стали совсем здоровыми, чтобы, как все их сверстники, ходили в походы, пели у ночных костров веселые песни.

Свой пятнадцатый юбилей отмечает в этом году детский дом для ребят с ослабленным здоровьем. О жизни воспитанников этого дома можно рассказать много интересного: среди них есть спортсмены, художники, танцоры. В городских и областных соревнованиях они занимают далеко не последние места. В пионерской комнате хранятся их почетные грамоты.

Гордятся ребята и своим зверинцем. Поначалу у них поселился Мишка-топтыжка, которого привез из Сибири бывший воспитанник детского дома Коля Пушмин. Мишка стал общим любимцем и баловнем. Потом появились павлины, лебеди, белки. А теперь уже есть обезьянка, енот, беркут, гриф и даже карликовая лошадка — ее подарила артистка цирка Ирина Бугримова. Ребята охотно разрешают горожанам осматривать свой зоопарк: пожалуйста, входите, только вместо входного билета захватите конфетку для макаки Яшки или капустную кочерыжку для Топтыгина (теперь так величают Мишку).

В Евпатории все к услугам детей: парки, многочисленные пункты проката, где можно получить велосипед, педальный автомобиль, коня и коляски для самых маленьких. Отважные «наездники» и «автомобилисты» мчатся на своем транспорте по тенистым аллеям парков, и на многих городских улицах им дан зеленый свет — «взрослому» транспорту здесь ездить не разрешается. Специально для них же организованы игровые площадки на пляжах и скверах.

Большое удовольствие получают ребята в уголке сказок А. С. Пушкина. Уголок открыт в парке имени Фрунзе. Здесь много и других забав: качели, карусели, настольные игры, мячи... По инициативе общественности города на улице Интернациональной открыт кинотеатр «Малыш». Во время сеансов там дежурят шефы — учащиеся 1-й школы.

Еще кое-кто по старой привычке называет ребят, приехавших в Евпаторию, гостями курорта. Но какие же они гости? Они хозяева! Это для них санатории и лечебницы, детские сады и пансионаты, пионерские лагеря и турбазы... Евпатория — это город, отданный детям.

Георг ГИРГЕНС

В жаркие дни весь город — на пляже.

БУДЕМ ДОБРЫМИ СОСЕДЯМИ!

Говорят, у меня трудная фамилия. Я этого, признаться, не замечаю и, называя себя, просто произношу по-чукотски «Бегущий олень» — так нарекли меня родители (позже имя перешло в фамилию).

А в Японии, где я побывала недавно в составе парламентской делегации, которую возглавлял Анастас Иванович Микоян, меня представляли как «губернатора Чукотки». Кажется, многие из тех, с кем мы познакомились, так и не приняли этого всерьез: губернатор — женщина? Да еще чукчанка? Не слишком ли?..

Мы посетили многие города, встречались с самыми разными людьми, и мне казалось очень важным, чтобы простые люди Японии поняли: женщина малой народности — государст-

венный деятель — явление в нашей стране вовсе не исключительное. И что Чукотка, которую наши южные соседи представляют по старой памяти «краем белого безмолвия», нынче совсем другая. Выступая по токийскому телевидению, я рассказала о том, как неузнаваемо преобразился наш край за годы Советской власти. Рассказала о новых промышленных поселках, выросших в самых далеких уголках Чукотки, в Амгуэмской тундре и на мысе Шмидта, где я родилась. О том, что на просторах от мыса Дежнева до реки Колымы, от острова Врангеля до Камчатки теперь не увидишь вчерашней яранги. А в чукотских селах стали обычными школы-интернаты, больницы, клубы. Я назвала наших знатных людей и среди них женщин — заслуженных учительниц Рыкваткот и Матвиенко, заслуженного врача РСФСР Полянскую, поэтессу Кымытваль. Прежняя кочевница управляет теперь механизмами, учит детей, выпекает хлеб, о котором отцы наши и не слышали. Удивительно ли, что и в Верховный Совет страны мои земляки выбрали женщину, и этим высоким доверием я бесконечно дорожу.

К сожалению, с женщинами в Японии я встречалась не часто, но и эти немногие встречи мне запомнятся надолго.

На одном из предприятий в г. Осака меня сопровождала очень милая девушка. Помню, как старательно выговаривала она каждое русское слово, а когда мы прощались, сказала, что язык русских она изучает с огромным удовольствием, потому что питает к нам самые горячие симпатии.

Запомнился мне и разговор с одной из депутатов парламента (в обеих палатах 26 женщин-депутатов и около 700 мужчин). Она говорила, что, не колеблясь, голосовала за Московский договор о частичном запрещении испытаний ядерного оружия, значение которого женщины Японии понимают лучше, чем кто-либо другой.

Как волновали меня всякий раз встречи с японскими детьми! Девочки дарили нам цветы, мальчишки рвали с нами фотографироваться и сами без конца щелкали аппаратами, и все, расталкивая друг друга, тянулись с блокнотами, открытками, просто листками бумаги: «Пожалуйста, автограф!»

Побывали мы на промышленных предприятиях в городах Киото, Саппоро и других. Ходили по цехам молочного завода «Юкидзируси» и завода железнодорожного подвижного состава «Кавасаки саря», нам демонстрировали свое мастерство умельцы из «Музея ткацкого дела», готовящего сейчас к Олимпийским играм ткани самых разнообразных рисунков для кимоно. Меня удивило, что среди работников почти нет пожилых женщин: в цехах я видела чаще всего девушек 15—17 лет. Товарищи объяснили мне, что в Японии для замужней женщины проблема заработка очень сложна: держать обремененную семьей и детьми работницу невыгодно предпринимателю, и поэтому ее увольняют при первом же удобном случае.

Все мы почувствовали большой интерес японцев к нашей стране, к нашей жизни. Вопросы были обычные и самые неожиданные. У меня спрашивали, например, на каком языке учатся чукотские дети и какими способами передвижения мы пользуемся, как одеваются жители Чукотки и чем питаются. Меня не удивило, что нас не спрашивали, хотим ли мы войны: миролюбивая политика нашего государства завоевала признание непробудимых людей во всех странах.

Будем добрыми соседями! Без споров, может быть, и не обойтись — у нас так много разного. Но любые споры можно и должно решать путем переговоров, без войны!

А. НУТЭТЭГРЫНЭ,
председатель исполкома
Чукотского окружного Совета
депутатов трудящихся.

НАШИ ГОСТЫ РАССКАЗЫВАЮТ

Большая группа участниц Второй Международной конференции по проблемам трудящихся женщин гостила в нашей стране. С некоторыми из них встретились корреспонденты «Работницы». Вот что ответили на их вопросы гости.

Вопрос. Как вы оцениваете Хартию экономических и социальных прав трудящихся женщин, принятую конференцией?

Сусанна КАЛВО (Аргентина). В Хартии выражены нужды и стремления всех работниц мира. Она представляет собою международную программу действий трудящихся женщин — столь важной составной части рабочего класса.

Карин ЛУНДСТРЕМ (Швеция). На конференции я была не делегаткой, а лишь наблюдательницей и, значит,

не могла голосовать. Но я поддерживаю Хартию как шаг на пути расширения прав женщин.

Бенсабер ФАТИМА (Марокко). Думаю, что за Хартию проголосуют трудящиеся женщины всех стран, а нам, жителям молодых независимых государств, она нужнее всего. Пусть не сразу, но все пункты Хартии должны стать реальностью.

Вопрос. Какие задачи стоят сейчас перед организациями трудящихся женщин вашей страны?

Сусанна КАЛВО. Прогрессивные деятели в нашей стране жестоко преследуются, тысячи аргентинских женщин прошли через тюрьмы и карцеры. Но мы не прекратим борьбы за демократию, за свои права, за равные с мужчиной условия труда, за льготы для женщин-матери, за обеспечение в старости. Наша цель ясна: нам нужен мир, потому что мы хотим жить, жить для борьбы против эксплуатации и империализма, за осуществление социалистической революции в нашей стране.

Карин ЛУНДСТРЕМ. Женщина получает у нас заработную плату значительно меньшую, чем мужчина, за тот же труд. Нелегко для женщины доступ ко многим профессиям и повышению квалификации. Думаю, что это и есть те проблемы, которые предстоит сейчас решать женским организациям и профсоюзам.

Бенсабер ФАТИМА. После получения независимости мы достигли уже многого. Почти втрое увеличилось количество учебных заведений, появились свои национальные кадры, улучшилось здравоохранение — больницы появляются даже в деревнях, создаются детские сады. Равное с мужчиной право женщин на труд записано в конституции, но претворяется оно в жизнь пока еще медленно. Наша задача — как можно скорее ликвидировать остатки колониального ига во всех областях жизни.

Вопрос. Ваши впечатления от поездки по нашей стране, от встреч с советскими женщинами?

Сусанна КАЛВО. Даже наш яркий язык не позволяет выразить всех чувств, которые меня переполняют. Мы видели женщин, для которых труд — дело чести и доблести, мы видели действительно счастливых детей, мы ощутили бесконечную радость и жажду жизни свободных людей, их горячую солидарность со всеми народами, борющимися за свое освобождение. Я должна донести все эти чувства до своего народа!

Карин ЛУНДСТРЕМ. Я приехала сюда из высоко развитой страны, но меня поразили ваши детские сады и ясли, дворцы культуры и школы, ваши здравницы и дома отдыха. Они убедили меня в том, как много может добиться свободный народ за короткое время. Самое незабываемое впечатление произвел на меня Дворец пионеров в Москве. Это великолепно и удивительно!

Бенсабер ФАТИМА. Все, что мы видели, очень хорошо!

Прямо под винтом самолета на снегу аэродрома Антонина чертит схему. У нее возникла интересная мысль, которую надо немедленно обсудить с инженером Евгением Миловым...

АНТОНИНА Д'АРК

Вениамин КОНСТАНТИНОВ

Над аэродромом Диксона бушевала пурга.

«ЛИ-2», который вел опытный полярный летчик Алексей Каш, сядил вслепую. И вдруг второй пилот Николай Школьников крикнул в микрофон:

— Лыжа! Лыжа вихляет!

Лыжа действительно болталась и гулко била в «бороду» маслорадиатора. «Будем садиться на одну лыжу»,— решил летчик. Приледенились благополучно, то есть не погнули винт и осталось целым крыло. Но «борода» маслорадиатора и клапанные крышки цилиндров были помяты основательно.

— На неделю засели, не меньше...— в сердцах бросил механик.

— Ну, доктор, принимай больного,— обратился Каш к внезапно появившейся из снежной кутерьмы женщине. На «докторе» были ватные стеганные брюки и телогрейка.

— Словом, вам летать, нам чинить...— с укоризной произнесла женщина.

Летчики уехали отдыхать в гостиницу, а «доктор», тщательно осмотрев повреждения, направилась к избушке-балку, стоявшей у самой кромки аэродрома, чтобы позвать слесаря и взять нужный инструмент.

Утром в гостинице, где ночевали лет-

чики, раздался звонок. Дежурная подняла трубку.

— Передайте Алексею Аркадьевичу Кашу: самолет 4205 готов к вылету. Шадричева.

Каш не поверил. Он стал звонить на аэродром, но никто не отвечал. Тогда он вызвал машину и вместе с механиком помчался туда.

Механик рывком открыл дверь в балок и оторопел: на полу вповалку спали авиатехники; на скамейке, зажав в руке телефонную трубку, сидела инженер Шадричева.

— Тс... Пусть солдаты немного поспят,— шепотом произнес Алексей Аркадьевич и потянул механика за рукав на улицу.

— Ну и молодцы же!— восхищенно промолвил механик.

— Что молодцы! Герои!..

Эту историю мне рассказали сами летчики, когда мы ехали в автобусе из гостиницы на аэродром. Рассказали, что называется, «по горячим следам».

— Шадричева — молодец!— подтвердил летчик Барулин.— Как-то мы летали устанавливать у полюса дрейфующие автоматические радиометеорологические станции... Туда летим и оттуда летим, двигатель вроде работает нормально, а

скорости, понимаете, нет нужной... В чем, думаю, дело? Попробуй разберись в воздухе! Хорошо, что бензина было в достатке... Одним словом, сели на аэродром. Думал, дня три-четыре загорать будем. А сменным инженером как раз была Шадричева. Отгоняла она двигатель и говорит: «Да у тебя, мил-свет, лопасти винтов установлены не под тем углом»... И вот, понимаете, пока мы обещали, навела порядок в лопастях.

— И что ж, она одна здесь кудесница такая?— спросил я.— Другие инженеры хуже?

— Да не то чтобы хуже, а вот летчики почему-то предпочитают обращаться к Тоне,— пробасил полный мужчина в полушубке.— Добросовестней, что ли, она работает, а может, чутье у нее к самолетам особенное...

— Вы знаете, это такая дама,— с таинственным видом, не скрывая улыбки, заговорил сидевший позади меня летчик,— перед которой, право, хочется стать на колени. Летчики ее называют Антонина д'Арк. Только «Арк» означает тут «Арктика»...— И засмеялся легким, молодым баском.

То, что я услышал от летчиков, возбудило во мне настойчивое желание во что

бы то ни стало познакомиться с Антониной д'Арк.

* * *

Аэродром Диксона — как оживленный перекресток в большом городе. Особенно сейчас, когда высокоширотная экспедиция «Север-16» охватила собой чуть ли не всю Арктику. Хотя штаб экспедиции и находится за сотни километров на востоке, Диксон по-прежнему остается, по существу, столицей Арктики, и сюда то и дело прилетают самолеты экспедиции. Отсюда на север веером расходятся воздушные трассы, в короткое лето к причалам порта пристают корабли, следующие на восток по Северному морскому пути.

Академик Евгений Константинович Федоров — тот самый Федоров, который был в составе первой папанинской дрейфующей станции «Северный полюс», — однажды сказал:

— Раньше, когда Арктику изучала лишь небольшая группа ученых, каждый полет был событием. Теперь сотни ученых помогают ставить Арктику на службу нашему народу, а в распоряжении исследователей совершенная техника, эскадрильи самолетов и вертолетов.

Но Арктика по-прежнему остается Арктикой, какой бы обжитой она ни была сейчас. Кто-то, а летчики знают, как нелегко выбирать на торосистых льдах площадки для посадки, как ледовые аэродромы в океане раскалываются, и трещины не позволяют самолетам взлетать.

В этом году перед полярными летчиками была поставлена задача: весной в течение полутора месяцев снять с льдины дрейфующую станцию «СП-10», заменить личный состав станции «СП-12» и создать новую станцию — «СП-13». А для этого самолеты должны совершить тысячи посадок, перевезти тысячи тонн различных грузов, протяженность же воздушных трасс экспедиции составляет свыше... 30 тысяч километров!

...На аэродроме Диксона я встретил женщин и в отделе перевозок, и в диспетчерской, и на радиостанции метеорологического центра. Антонина Шадричева, сказали мне, работает в своего рода врачебном пункте аэродрома: здесь направляют, чинят, проводят профилактические осмотры самолетов.

* * *

Иду по полю аэродрома, почти валяясь на упругую стену из ветра и снега. Кажется, что небо и земля смешались в один клубок. От студеного ветра ноют скулы. И вдруг неожиданно натыкаюсь на какой-то предмет, излучающий жар. Над ним, распластав крылья, повис самолет. Соображаю, что это не что иное, как печка, приспособленная для обогрева самолетов. Сквозь сизую мглу различаю людей, копошащихся на крыле, у фюзеляжа, у мотора. Хорошо, что еще день, а не полярная ночь.

— Мне бы Антонину Александровну! — кричу я почти в самое ухо механику, тщетно пытающемуся вставить в отверстие болт.

Отчаявшись, механик бросает болт на варежку и бежит к печке греться. Теперь уже он мне кричит в ухо:

— Он-н-на-а у мо-то-ра, во-он там! — И указывает на рослую женщину, согнувшуюся над мотором. Она вытирает промасленные руки о тряпку, закрывает капот и прыгает, минуя стремянку, прямо в снег. Шапка у нее сбилась набекрень, волосы треплет ветер.

— Извините меня, пожалуйста, подождите немного, я только прогоняю двигатель...

Шадричевой, оказывается, не больше 24—25 лет... Она смотрит на меня растерянно, даже несколько испуганно: зачем это она понадобилась корреспонденту? Потом разводит руками и бежит к стремянке.

Оглядываюсь по сторонам: где бы найти укрытие от ветра? Иду к избушке, что маячит на кромке аэродрома.

И вот мы сидим с Антониной Александровной Шадричевой в избушке-балке — пожалуй, самом жарком помещении во всей Арктике. Печка пышет жаром, и тепло растекается по всему телу волнами, умиротворяя, располагая к задушевному разговору...

Не счесть, сколько самолетов прошло через руки Шадричевой! Каждый самолет — это завод в миниатюре, а мотор — цех. Тысячи деталей. Стоит одной заикапризничать — и это немедленно отразится на двигателе, на приборах. Недоглядишь, не докопаешься, не исправишь — может случиться авария.

* * *

Ответственность, которая лежит на авиационном инженер-эксплуатационнике, Антонина с особой силой почувствовала, как только приехала в Арктику. Главный инженер аэропорта Егор Васильевич Корсунов, добродушный и рассудительный мужчина, с первого разговора дал понять ей это. И мало того. Стал исподволь прощупывать знания «новенькой». И ставил перед молодым инженером весьма и весьма каверзные задачи. Он как бы говорил ей: смотри, вот тут у тебя пробельчик, вернешься после смены домой, почитай, разберись. А не разберешься, приходи ко мне...

Настороженно следили за «новенькой» механики и техники. Как-то себя покажет «начальница»? Ведь они могли, завязав глаза, по винтику разобрать и собрать мотор, из куска металла выпилить, выточить деталь, и будет она не хуже заводской. Но скоро убедились, что у их «начальницы» и знаний предостаточно и она куда лучше разбирается в законах аэродинамики, кинематики и прочих премудростях авиационной науки, чем они. Подкупало их в «новенькой» и то, что она не чуралась советов их, младших по должности, и терпеливо спорила, если хотела доказать свою правоту или просто «просветить чью-то темную голову», как выражались техники.

Попала Тоня в коллектив веселых, живых ребят. Скоро они стали для нее добрыми друзьями и хорошими товарищами.

Я спрашиваю Антонину Александровну, почему после окончания Харьковского авиационного института она выбрала именно Диксон, разве в другие места не направляли?

— Хотела себя проверить. Ну и попросилась в Арктику...

Некоторые в институте, особенно из тех, кто уют городской квартиры ставит

Антонина Александровна Шадричева.

Фото автора.

превыше всего, пытались ее отговорить. Плохо же они знали Тоню! Со школьной скамьи мечтала она о романтике дальних дорог. И не просто мечтала, а готовила себя к этому. Заядлый альпинист, она побывала на вершине Эльбруса и штурмовала Шхельду, и Дангуз, и Орун. А лыжные походы по Карелии... Как-то в каникулы во главе маленького отряда лыжников она обошла все Хибинь. Первой поднималась на перевалы, первой преодолевала крутые головокружительные спуски. А ведь ее отряд состоял из мужчин, да еще отличных спортсменов!

— Ну и как, Арктика вас не запугала? — шутливо спрашиваю я Антонину Александровну.

— Что вы, — смущенно говорит она, — мы не из тех, кто поддается.

— Кто это «мы»?

— Мы — это все, кто избрал Арктику постоянным местом жительства. Вот работа на нас жмет только. Случается, что с аэродрома не уходим по две смены подряд...

— И никто не жалуется?

— Зачем же! Знаем, что нужно, необходимо. А потом, это временное. Скоро экспедиция завершит свою работу, тогда будет легче.

Тоня ничего не говорит о том, что она три месяца (как раз тогда, когда вовсю разворачивались операции высокоширотной экспедиции) замещала главного инженера и за все это время не было ни одной жалобы на техническое обслуживание самолетов. Зато она с удовольствием рассказывает о своих комсомольских делах. Недавно комсомольцы аэропорта избрали ее своим вожаком. Го-

рячо принялась она за дела. Самое главное, говорила она себе, чтобы не было пассивных, чтобы жили и работали дружно и весело...

Первое же начинание комсомольцев всколыхнуло жизнь аэропорта — они устроили общественный смотр подготовки служб к предстоящей экспедиции. Комсомольцы добились, что радиобюро перевели в лучшее помещение, эксплуатационникам построили теплушку-балок. «Комсомольский прожектор» своим светом освещал все углы аэропортового хозяйства. А самое северное в стране кафе? Это тоже дело рук комсомольцев. Здесь, на 73-й параллели, может быть, впервые так полно и торжественно весь вечер звучали стихи и поэмы Маяковского. А многочисленные спортивные соревнования...

Ну, вот хотя бы последний лыжный поход по зимовкам западного побережья Таймыра, который возглавила Антонина. По суровой и безбрежной тундре комсомольцы прошли сотни километров. В полярную ночь сквозь пургу и метели двигался маленький отряд и нес радость людям тундры. Каждая остановка — это и концерт и беседы с охотниками. Трудный был поход, но ребята завершили его с честью. Тогда же, в походе, Тоня встретила человека, который впоследствии стал ее мужем. Дизелисту морского порта Вячеславу Шадричеву завидовали многие...

— Уж больно ты поспешно вышла замуж, дочка! — по-отечески посетовал Егор Васильевич Корсунов. — У нас в аэропорту парни тоже не лыком шиты, умные, проверенные.

— А что толку из того, что ходишь с парнем два года в кино? — смеялась Тоня. — Вот трудный поход — другое дело! Здесь человек, как на ладони.

Через четыре месяца Вячеслава призывали в армию.

— Ты, того, не особенно волнуйся за жену, мы тут оберегать будем Антонину Александровну, — прощая Славу, говорили механики.

...В маленькую комнату, где с подружкой-учительницей живет Тоня, почтальон три раза в неделю приносит письма. Вячеслав служит в одной из воинских частей далеко от Диксона. Со страниц писем веет теплом и любовью. Забываются мимолетные огорчения, суровость здешнего климата. «А пока будем верить и ждать», — повторяет она слова мужа. Да, ждать!

* * *

Когда на стартовую линию аэродрома Диксона вырывается самолет, авиатехники и инженеры бросают все свои дела и бегут к кромке взлетной площадки. Им не терпится увидеть, как стремительно набирает высоту самолет. Они стараются по слуху определить еще раз, четко ли работают моторы. Взлетев, мы увидели через иллюминатор Тоню Шадричеву в окружении друзей. Они махали нам руками: в добрый путь!

Летчики спокойны. Моторы «ИЛ-14» работают отлично. Они проверены инженером полярной авиации Антониной Александровной Шадричевой и ее друзьями!

Диксон. Апрель — май.

К 20-летию со дня начала освобождения Польши

ПЕСНЯ СИРЕНЬ

Альберт ПИН

О рождении этого города люди сложили легенду. Семь веков назад у самого Балтийского моря жили юноша Варс и девушка Сава. Были они рыбаками. Чуть света забрасывал в море свой невод Варс, с зарею отплывала от берега лодка Савы. Но хотя ловили они рыбу в одном море, ни разу не довелось им встретиться.

Однажды услышал Варс волшебную песню Сирены. Услышала ее и Сава. Молодые люди развернули свои лодки и поплыли на звуки чудесного голоса. Они встретились и полюбили друг друга. Поженившись, Варс и Сава основали город на реке Висле. Его название — Варшава.

* * *

В утренней Варшаве особая прелесть. Город до краев заполнен бодрящей свежестью. Легким туманом она поднимается с Вислы, разливается по зеленым аллеям Уяздовским, плывет над умытым асфальтом улиц.

Из дверей маленьких «кавярен» доносится запах свежесмолотого кофе. Сладко пахнут пунцовые клубничные горки на лотках фруктовых киосков. На площади Конституции под полотняными зонтиками цветочных ларьков благоухают гвоздики и розы. Идешь по городу и с каждым вдохом наполняешься бодростью.

Просторная Маршалковская затоплена солнцем. Оно радугой горит в окнах новых домов, золотит волосы варшавянок, грациозно плывущих по широкой черной реке тротуаров. Раздолье пешему на Маршалковской: даже в суетливый утренний час можно двигаться плавно, истинно варшавской походкой.

Весело, чисто звучит после ночного отдыха голос города. У подножия колонны короля Сигизмунда, высоко взмахнувшего кривой саблей, воркуют голуби. Тоненько журчит струйка старинного фонтана на площади Нового моста. Вокруг фонтана уже щебечут ребятнишки — их очень много в Варшаве, этих звонкоголосых мальчишек и девочек...

— Анджей! Юзек! Марек! — окликают из окна большого дома трех вихрастых мальчуганов. Пожилая женщи-

Бронзовая Сирена — герб Варшавы.

на, — наверное, бабушка — грозит шалунам пальцем. Ох, уж эти ребята! Дай им волю — они будут ходить на голове. Подумать только, втроем взобрались на один велосипед!

Вам понятна беззлобная ворчливость этой женщины, вам нравится светлый многоокий дом с радостно-синим небом над головой, с нежно-зеленым травяным ковром, расстеленным по двору. Вы садитесь на скамеечку возле песочницы, глядите на расшалившуюся детвору. И вы думаете о судьбе живущих здесь людей...

...Когда зимою сорок пятого после долгих месяцев горестных скитаний варшавяне вернулись в освобожденный от врага город, сердца их сжались от мучительной боли. Варшавы, где они родились, Варшавы, где жило больше миллиона людей, не было. Были лишь скелеты и горы каменного праха, открытые корками запекшейся крови.

Холодная, колючая тишина окутывала исполинский пустырь. Тишина погибшего города, она продолжала еще таить смерть — сто тысяч смертей, заключенных в стальные корпуса вражеских мин. Погубив Варшаву, фашисты даже прах ее не хотели оставить в покое...

«Мин нет» — эти надписи на табличках, развешенных тут и там советскими саперами, были первыми строками в истории новой Варшавы. Со всей страны устремились в город люди. На руках они несли детей, а в сердцах — сыновнюю любовь к родному городу.

Иностранные газеты писали тогда, что Варшаву нельзя будет вернуть к жизни. Зарубежные архитекторы советовали построить польскую столицу в другом месте. Но для патриотов сама земля, на которой стояла их Варшава, была священна. Они дали клятву восстановить свой славный город.

Оживали варшавские дворы. Меж развалин домов задымилась самодельные печурки — «козы». Через восемь недель после того, как Советская Ар-

Эти ребята живут в новом жилом районе Варшавы — Прага II.

Центральная улица столицы — Маршалковская.

Фото В. СОБОЛЕВА.

мья и части Войска Польского освободили Варшаву, родился первый план восстановления города. Исчезали горы битого кирпича и штукатурки. Росли строительные леса, дома. На балконах, на окнах появились цветы.

В водах Вислы отразились восстановленные мосты. По одному из них пролегла новая магистраль Восток — Запад. Мост этот был назван Силезско-Домбровским: сталь для его ферм выплавляли на первых ударных вахтах металлургии разрушенной войной Силезии.

Один за другим поднимались из руин целые районы: историческое Старое место, где, по преданию, жили Варс и Сава, Краковское предместье, новый поселок Муранов — его построили на месте варшавского гетто, которое десять долгих недель сражалось с гитлеровцами и потом было буквально стерто с лица земли.

Люди покоряли время. Город родился вновь и стал еще больше, еще краси-

вее. Восстанавливая его, варшавяне не были одинокими, им помогала вся страна, им помогали их верные друзья — советские люди. Варшава теперь так же многолюдна, как и четверть века назад.

— Анджей! Юзек! Марек! — Женщина у окна снова окликает расшалившихся ребятшек. Нет, она не сердится. Она с нежностью глядит на сыновей новой Варшавы. Чудесной музыкой звучит для нее гомон и смех детворы.

Ей, помнящей тишину мертвого города, дороги и святы эти звуки, эти голоса жизни.

* * *

Скоро будет залечена последняя рана на лице города — исчезнут остатки руин. Но память о годах войны, о трагедии Варшавы будет долго жить в сердцах поляков. Благодарные жители польской столицы, как и все люди Польши, хорошо помнят, что освобождение от фашистского ига им принесла Советская Армия. И никогда не забудут они тех, кто погиб в битве с врагом. Украшены цветами памятники героям — полякам и советским воинам, могилы павших, мемориальные доски на стенах домов.

Есть такая мраморная доска и в Варшавском университете. Среди высеченных на ней имен — имя Кристины Крохельской, молодой варшавянки, короткая жизнь которой похожа на прекрасную песню.

Если вам доведется побывать в Варшаве, польские друзья обязательно проведут вас к бронзовой Сирене. С мечом в одной руке, со щитом в другой, она высится на набережной Костюшки, где волны Вислы тихо плещутся о гранитную стену. Этот образ стойкой и непокоримой Варшавы создала скульптор Людвика Нич, а позировала ей Кристина Крохельская.

Кристина была студенткой Варшавского университета, когда с нею познакомилась Людвика Нич. Ваятельницу, искавшую модель для задуманного образа, сразу пленила эта стройная светловолосая девушка с гордым профилем и большими прекрасными глазами. Кристина с радостью согласилась помочь скульптору. Она хорошо понимала и любила искусство, музыку, поэзию. Она и сама замечательно пела и писала стихи, проникнутые горячей любовью к родной стране.

Во имя любви к родине Кристина Крохельская взяла в руки оружие, когда на Варшаву обрушился вражеский смерч.

В героические дни варшавского восстания Кристина — в рядах повстанцев. Утро 1 сентября 1944 года застало ее на поле боя. Небольшой отряд, в котором она была санитаркой, мужественно и стойко сражался с сильным врагом.

В полдень отряд остался без командира, и его заменила Кристина. Она руководила боем до тех пор, пока и ее не настигли три вражеские пули. Но отважная девушка нашла в себе силы отдать последний приказ, поднявший отряд в победную атаку.

Это был необычный приказ — строка из написанного ею стихотворения, которое знали все повстанцы. «Штык — тоже грозное оружие!» — услышал отряд из уст смертельно раненной Кристины...

А бронзовая Сирена, на века запечатлевшая черты героини, осталась жить. В крошечном аду огня и взрывов она тоже была трижды ранена, но выстояла.

С набережной Костюшки Сирена и поныне смотрит на древний и юный город. Она неколебимо стоит над Вислой — как возрожденная Варшава, как народная Польша.

КРЕПНЕТ НАРОДНАЯ ПОЛЬША

Цифры и факты

Выпуск валовой продукции промышленности увеличился в сравнении с 1938 годом в 9 раз. Выпуск машин и оборудования — в 30 с лишним раз.

Национальный доход страны за последние пять лет вырос на 30 процентов.

Мощность электростанций за последнее десятилетие возросла почти в 2,5 раза.

Польские граждане получили за 1957—1963 годы вдвое больше жилья, чем за 1950—1956 годы, а расходы государства на здравоохранение, социальное обеспечение и физкультуру выросли с 6,8 миллиарда злотых в 1956 году до 18,8 миллиарда злотых в 1963 году.

КОРОТКОМ

Конец Старого базара

Недаром говорят, что старые названия живучи. Вот и сейчас нет-нет да и услышишь: «Это где-то в районе Старого базара». А ведь давно-давно от Старого базара и следа не осталось. Большие, красивые многоэтажные дома, новый «Гастроном» с современным торговым оборудованием, отдельные связи, телеателье, парикмахерская. Не узнать и дружную окраину города — Хуторское поле. Не отличить теперь, где центр, где окраина.

А как обстоит дело с бытовым обслуживанием населения?

Этими вопросами постоянно занимается наш районный женский совет. Однако было решено провести встречу женского актива с руководителями бытовых предприятий района. Около тысячи женщин пришли во дворец культуры к машиниструителей на эту встречу. Руководители комбината бытового обслуживания, треста столовых и ресторана этих учреждений, Горячо и напористо выступали женщины, резко критиковали

Поздравляем!

Имя летчицы Марины Попович, которую наш корреспондент сфотографировал на юбилее «Работницы», хорошо известно читательницам. О дружной семье Поповичей, о жене-летчице и муже-космонавте, мы рассказывали в сентябрьском номере журнала за 1962 год. «Уже полгода как Марина не летает», — писали мы тогда. А сейчас Марина не просто летает — недавно она установила новый мировой рекорд на летном реактивном самолете. В то же время она успешно училась в Высшем авиационном училище.

Мы горячо поздравляем отважную крылатую подругу!

Фото Г. ДУВИНСКОГО.

Признательность зрителей

летмейстер Лев Крылов даст команду: — Па-де-плье! Батман тандо, жете!

К спектаклю надо хорошо подготовиться. Но вот звучит первый звонок — артисты идут одеваться и гримироваться. Сегодня в спектакле народного театра «Мизель» заглавную партию исполняет Валя Яблокова.

Все участники спектакля танцуют поочередно: сегодня главные партии, завтра в кордебалете. Лев Крылов подготовил четырех исполнительниц Жинзели, а па-де-де первого акта исполняют шесть составов. Публика щедро аплодирует молодым исполнителям. А завоевать признательность новокузнецкого зрителя — дело нелегкое.

г. Новокузнецк. И. РОМАНОВИЧ

Признательность зрителей

Такого увлечения классическим балетом, как в Новокузнецке, нет, наверно, ни в одном городе. Здесь работают четыре хореографических самодеятельных театров, не считая множества клубных и коллективных кружков. На театральных вечерах «Лебединое озеро», «Баядерка», «Сибирский фронтан», «Баядерка», «Берег счастья», «Доктор Айболит», «Коппелия».

Кто же они, энтузиасты, создавшие эти спектакли?

...Окончен рабочий день. Магистер по технике безопасности Валентина Яблокова, инженер Наталья Пушкина, школьница Татьяна Иванченко, монтажник Петр Мухартов, студент Владимир Федоров, каждый вечер спешат в клуб строителей «Станка», они ждут, когда у

Признательность зрителей

Такого увлечения классическим балетом, как в Новокузнецке, нет, наверно, ни в одном городе. Здесь работают четыре хореографических самодеятельных театров, не считая множества клубных и коллективных кружков. На театральных вечерах «Лебединое озеро», «Баядерка», «Сибирский фронтан», «Баядерка», «Берег счастья», «Доктор Айболит», «Коппелия».

Кто же они, энтузиасты, создавшие эти спектакли? ...Окончен рабочий день. Магистер по технике безопасности Валентина Яблокова, инженер Наталья Пушкина, школьница Татьяна Иванченко, монтажник Петр Мухартов, студент Владимир Федоров, каждый вечер спешат в клуб строителей «Станка», они ждут, когда у

г. Брянск.

Легче и дешевле

Вас не удивляет, что девушка так легко держит в руках этот массивный предмет?

Гребной винт из металла весит бы 100—110 килограммов, а этот, полиэтиленовый, легче в 10—12 раз. Шесть классов Бакинского судоремонтного завода имени Парикоской коммуны производят из этого материала винты наименьших размеров. Их преимущества перед металлическими очевидны: они не поддаются коррозии, легче обрабатываются, удобны при монтаже и демонтаже. Полиэтиленовый гребной винт, например, в 30 раз дешевле своего бронзового собрата!

Лилия Ананенко, которую вы видите на снимке, делает винты своими руками: она прессовщица и заочно учится на 4-м курсе судоремонтного факультета Бакинского мореходного училища.

М. УМАНСКИЙ
Фото автора.

Спасибо советским подругам!

Много искренних и преданных друзей у народа Южного Вьетнама. Гнев и возмущение вызывает у всех честных людей позорная политика американского империализма, развязавшего грязную войну во Вьетнаме. Под бомбами и пулями американцев гибнут тысячи

В Комитет советских женщин недавно пришло письмо из Союда женщин Вьетнама. «Благодарим советских подруг за послание женщин Южного Вьетнама. Мы а также за подарки, школьные инвентарь и одежду для южновьетнамских подруг».

Благодарный дар

Ранним утром шестьдесят малышей приходят в детский сад № 10. Поцеловав на прощание маму или папу, они спешат на зарядку, к своим любимым игрушкам, поют песни, читают стихи. Они

Г. Е. Журавлевского. Она выполнила последнюю волю мужа, передав на постройку детского сада 35 тысяч рублей. Звонкие голоса и смех, беззаботные счастье детей снова наполняют да

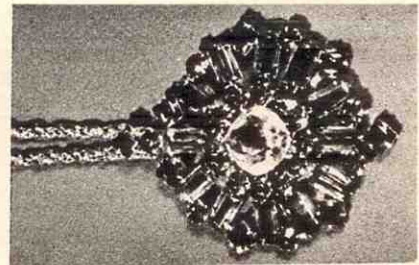
песни, читают стихи, ринулись в танцы. Работы снова наполняют достояние жизни Прасковы Исифовны. В. КУПИН
Г. Ивантеевца, Московской области. Фото В. РАСКИНА.

Выставка украшений

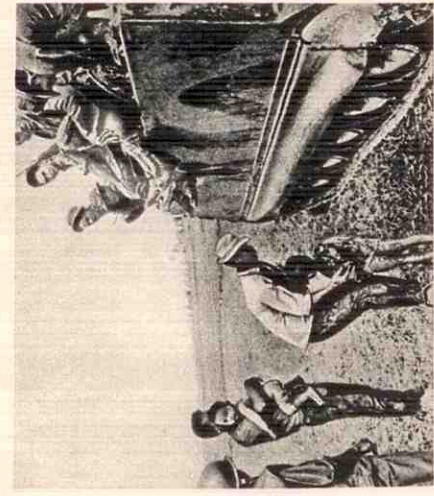

Броши, браслеты, кольца, бусы... Яркие и мягкие тонов, одноцветные и переливающиеся всеми цветами радуги. На выставке в торговом представительстве ГДР в Москве продемонстрировано 350 предметов украшений изготовленных предприятиями Германской Демократической Республики.

В будущем году лучшие изделия поступят на прилавки наших магазинов.

беззащитных вестей, стариков. Патриоты Вьетнама оружием в руках поднялись против заокеанских завоевателей и их продажных марione-ток. Все сильнее разгорается пожар партизанской войны. На стороне борцов за независимость горячие симпатии и чувства всех честных людей земли. По решению Бюро МДФЖ создан Международный комитет солидарности с женщинами Южного Вьетнама.

В последнее время США испытывают в Южном Вьетнаме новое оружие, например, гранаты, начиненные фосфором. В результате этих испытаний гибнут мирные жители. На фото вы видите детей, обожженных взрывом. Фото из еженедельника «Штерн» (ФРГ).

Марлен Дитрих в Москве

Une femme qui travaille qui aime le travail

Уже много лет кинофильмы с участием Марлен Дитрих идут на экранах всех стран мира. Советские зрители видели ее в «Свидетеле обвинения» и «Нюрнбергском процессе».

Но слава актрисы не просто слава именитой кинозвезды или модной эстрадной певицы. Марлен Дитрих — убежденная антифашистка. После прихода гитлеровцев к власти она покинула родину. Фюрер и его подручные всяческими посулами пытались вернуть немецкому экрану прославленную актрису, однако Дитрих с непоколебимой решимостью отвергла все предложения. Она надела военную форму и три года выступала перед солдатами и офицерами союзнических войск. Ее песни, искренние, простые, задумывались на бой во имя жизни, вдохновляли на подвиги.

Особенно запечатлелась в памяти Дитрих историческая встреча советских и американских войск на Эльбе. Там я познакомилась и подружилась с русскими... И с тех пор мечтала побывать в вашей стране... — говорит она. Мечта замечательной актрисы сбылась. Марлен побывала в Москве и Ленинграде. Гастроли ее прошли с большим успехом. «Труженикам от трудящихся» — написала читательницам журнала «Работница» известная немецкая актриса.

Р. МИНАСОВ

Бюро связи действует

С 4 по 10 июня в Москве прошло заседание Бюро связи — организации, учрежденной четыре года назад на Международной встрече женщин в Копенгагене. Тогда отмечалось 50-летие Международного женского дня 8 Марта, и, встретившись по этому поводу, представительницы разных стран подтвердили стремление всех женщин бороться за мир, за свои права, за счастье детей. Было решено создать Бюро, которое помогло бы расширять и укреплять связи между различными женскими организациями всех стран мира.

И вот члены Бюро, видные деятельницы женского движения двенадцати стран, съехались в

Москву, чтобы подвести итоги работы, проделанной за эти годы, посоветоваться, как продолжать ее в новой, более благоприятной международной обстановке. Заседание заслушало отчет Бюро и отметило его плодотворную деятельность. Обсуждалась возможность созыва семинара по проблемам участия женщин в государственной и общественной жизни. Бюро высказалось за то, чтобы искать пути для оказания помощи женщинам стран Азии, Африки и Латинской Америки в развитии образования и профессиональной подготовки.

На заседании принят документ, адресованный Международной Организацией Труда в Женеве в связи с рассмотрением там вопроса «Трудящиеся женщины и мировой прогресс». Работа Бюро проходила в атмосфере единства и взаимопонимания.

Долой ракеты «Поларис»!

Утром 12 мая этого года в казармах «Юлиана» в Гааге началась закрытая сессия совета НАТО, на которой немалое место заняли вопросы ядерного вооружения армии стран Североатлантического блока. А в это же время в пригородном районе Гааги — Схевенингене собрались представительницы этих же стран. Двести женщин — посланцы миллионов матерей и жен решили бороться против распространения атомного оружия, против создания многосторонних ядерных сил НАТО.

На следующий день, 13 мая, под сильным давлением женщины собрались у казарм «Юлиана». Участницы демонстрации вручили петицию лидерам НАТО и текст обращения к Организации Объединенных Наций, в которых говорится, что женщины стран, входящих в НАТО, полны решимости бороться за всеобщее и полное разоружение под международным контролем. Женщины решили провести в своих странах массовые демонстрации против намерения НАТО создать флот, оснащенный ракетами «Поларис».

Фото из журнала «Цейт им Бильд» (ГДР).

Отвечают кабельщики

В журнале «Работница» № 4 было напечатано письмо монтажниц Калининского электроаппаратного завода «Ждем ответа кабельщиков!». В этом номере мы представляем слово работницам подольского завода «Микропровод».

Дорогие товарищи калининцы! Мы внимательно прочитали ваше письмо. В нем много правды. Мы можем и должны делать изоляционные провода лучше. Это понимает каждый из нас.

Производство изоляционных проводов — дело сложное. Много тут зависит от самих работниц, от их внимательности, ловкости. Вот взяты наш цех, где провод покрывается изоляцией. Именно этот провод вы и получаете от нас. Работница должна следить за температурным режимом. Немного повысится или понизится температура в печи — и лак, которым покрывается провод, станет too жидким, too густым. Чуть сильнее зажмешь фетровые прокладки — лак не проникнет сквозь них и не попадет на провод, а ослабишь — лаку пойдет больше, чем надо, изоляция получится неровной. А ведь провода наши немногим толще волоса. Представляете себе, какая точность требуется? Пальцы работницы должны быть чувствительными, быстрыми, как у скрипача.

Нечего греха таить, не всегда бывали мы требовательны к себе самим, не следили за процессом так, как нужно.

Иной раз упадет температура в печи, надо отрегулировать ее, а искать прибориста работнице не хочется. Сама, дескать, справлюсь. Покрутит ручку реостата туда-сюда — не получается. А пока идет этот «эксперимент», температурный режим станка, глядишь, и вовсе нарушен. В результате если и не прямой брак, то, во всяком случае, не то качество. А качество должно быть именно «то» — самое лучшее, самое высокое, и вы, товарищи, своим письмом правильно нам на это указали.

Скажем прямо, не все здесь зависит от нас. Лаки, которые присылает Загорский лакокрасочный завод, низкого качества. Есть у нас претензии и к качеству катушек, поставляемых нам Костревским комбинатом имени Коминтерна. Но главная доля вины все же остается за нами, и мы это признаем.

А если признавать, то надо и исправлять.

У нас немало прекрасных работниц: Н. Большакова, Л. Харахонда, А. Добина и другие. Но беда, что далеко не все так работают, как они, а передача опыта, техническая учеба поставлены у нас слабо.

Как обучали новичков? Прикрепят нескольких человек к работнице — и учи. А она должна свою норму выполнить, где уж ей за учениками присмотреть!

От такой учебы между делом толку мало.

Решили мы перестроить учебу. Теперь новичков обучают специальные инструкторы из наиболее подготовленных работниц. Они освобождены от всех других дел и занимаются одним — обучают учеников на специально выделенных станках.

Думаем мы и над внедрением различных новшеств, которые помогут повысить качество провода. Наш приборист М. Бакулин сконструировал автоматическую установку для регулировки температурного режима в печах. Сейчас таких установок шесть, а к концу года будут на всех станках. Устроили в цехе искусственный климат, теперь и лак лучше вести себя будет. Инженеры завода совместно с учеными разрабатывают прибор, который сможет контролировать качество всего намотанного на катушку провода, а не только части, как это делается сейчас.

На собраниях, где обсуждалось ваше письмо, товарищи калининцы, мы решили, что будем анализировать каждый случай брака. Признаемся, раньше это у нас не всегда практиковалось.

Еще раз благодарим за письмо. Оно нам помогло увидеть свои недостатки. И мы твердо обещаем устранить их и постараемся сделать так, чтобы нашу продукцию больше не поминали недобрым словом.

Приезжайте к нам в гости, дорогие калининские подруги, поглядите наш завод, познакомьтесь с теми, кто на нем работает. Пусть провод, который мы посылаем вам, укрепит нашу дружбу.

Л. КРАСНОЩЕКОВА,
начальник эмаличного цеха № 3,
М. ПАНТЕЛЕЕВА, В. ШИШКОВА,
эмалировщицы

г. Подольск,
завод «Микропровод».

ПОДУМАЕМ
вместе

Нина поступила так

Письмо в редакцию

Прочитал я в последнем номере «Работницы» письмо Е. Е. под заголовком «Чужой, совсем чужой», и вспомнилась мне судьба нашей работницы Нины Степановой. О ней мне и хочется рассказать. Может быть, ее поступок заставит кое-кого призадуматься.

Нина Степанова приехала к нам, на Каменнобродский фаянсовый завод, из Новгородской области. Там она работала на таком же заводе — на «Пролетарке». Вышла замуж, родилась у нее дочка Танечка. Хорошая семья, только жить да радоваться. А получилось неладно. С некоторыми пор муж Нины, Ана-

толий, «подружился» с водкой. Стал заглядывать в пивнушки, домой приходил поздно ночью пьяный, набрасывался с руганью на жену, а она брала на руки дочь и убегала к соседям.

Что только не делала Нина! Стыдила Анатолия, уговаривала, пробовала жаловаться на него в заводские организации — ничего не действовало. Тот еще больше пил, все чаще пускал в ход кулаки. Трижды судили Анатолия за хулиганство, а с него, как с гуся вода.

— Брось ты его, перейди на другую квартиру, — советовали Нине подруги. Нина так и сделала: забрала дочь и ушла. Но и на новом месте покоя не было. Анатолий приходил с руганью, с угрозами. И тогда Нина решила уехать.

Услышала она по радио про Каменнобродский фаянсовый завод и приехала сюда. Пришла к директору завода тов. Минбаширову и рассказала ему все как есть. Нину приняли здесь тепло. Она стала работать в живописном цехе, а Танечку тут же устроили в ясли.

С тех пор прошло три года. Коллектив живописного цеха никак не нахвалится Ниной Степановой. Хороший она человек, большой мастер. Многому за это время научила она работниц цеха. А от платы за учение отказалась. Ее при-

меру последовали и другие специалисты.

Когда в живописном цехе началось социалистическое соревнование за «украинский час», Нина попросила увеличить ей норму и обязалась выполнять ее за шесть часов. Она расписывает 240—250 тарелок за шесть часов, а ведь норма — 180 за семь. Теперь на Каменнобродском фаянсовом заводе есть много последователей Нины Степановой.

Ей присвоено звание ударницы коммунистического труда.

Нина вступила в партию. Рабочие избрали ее своим депутатом в Новоград-Вольнский городской Совет. Она член завкома профсоюза, редактор цеховой стенной газеты «Живописец».

Когда улицей рабочего поселка Каменный Брод проходит Нина Степанова, ее все люди приветствуют как уважаемого рабочего человека.

Иногда я смотрю на нее и думаю: а что если б не нашла она в себе силы уехать? Так и продолжала бы терпеть издевательства пьяного мужа? Молодец, Нина! Ты поступила правильно!

М. БОНДАРЕНКО,
рабочий Фаянсового завода.

пос. Каменный Брод,
Житомирской области.

Осторожно: сердце!

А. Л. МЯСНИКОВ,
директор Института терапии АМН СССР,
действительный член Академии
медицинских наук СССР

Гипертония, атеросклероз, стенокардия, инфаркт миокарда... Они чаще других болезней становятся причиной смерти людей.

Усилия тысяч и тысяч ученых всех стран мира направлены на поиски путей и средств предупреждения и лечения сердечно-сосудистых заболеваний. Особенно широко ведутся научные исследования в нашей стране. Созданы десятки специальных институтов и лечебных учреждений, в их числе крупнейший научный центр — московский Институт терапии Академии медицинских наук.

Медицинская статистика свидетельствует о том, что количество сердечно-сосудистых заболеваний, по крайней мере в высокоразвитых странах, неуклонно растет. Явление, на первый взгляд парадоксальное: медицина одерживает успех за успехом, а сердечных больных становится все больше и больше. А между тем объяснение есть, и очень простое: люди теперь живут дольше, чем раньше, и чаще доживают до того возраста, когда развиваются болезни сосудов, представляющие собой главную угрозу для сердца.

Советскими учеными получено много интересных и важных данных о причинах и механизме развития сердечно-сосудистых заболеваний, об их связи между собой, о роли нервной системы в возникновении этих заболеваний, о значении питания и других факторов.

Мне бы хотелось прежде всего подчеркнуть роль нервной системы.

Начну с гипертонической болезни. Сейчас уже твердо установлено, что главная причина гипертонической болезни — нарушение центральной нервной системы, которая регулирует деятельность сердца и кровеносных сосудов. Повышенная возбудимость человека, его чрезмерные реакции на различные психические и физические раздражения как бы «подталкивают» развитие заболевания. Отсюда ясно, как важно для предупреждения гипертонической болезни (да и некоторых других сердечно-сосудистых заболеваний) обеспечить здоровые, правильные взаимоотношения между людьми на работе, в семье, в быту.

Можно ли лечить гипертоническую болезнь? Безусловно. И результаты будут тем успешнее, чем раньше начнется лечение.

Хороший результат дает лечение сном. Успешно применяются препараты, помогающие уменьшать давление крови и благотворно действующие на различные отделы центральной нервной системы. Не так давно в нашей стране создан новый комбинированный лечебный препарат — депрессин, с помощью

которого удается быстро и на довольно продолжительный срок снижать у больных повышенное кровяное давление.

В практику все шире входят разработанные учеными новые методы лечения гипертонической болезни. Они включают применение специальных средств, способствующих выведению из организма воды и солей, и препаратов, понижающих в организме активность вырабатываемого надпочечниками гормона адреналина.

Гипертоническая болезнь особенно опасна теми последствиями, которые она может вызвать, — атеросклерозом, стенокардией, наконец, инфарктом сердца.

Атеросклероз — это заболевание кровеносных сосудов, при котором стенки их уплотняются: в них отлагается холестерин — вещество, вырабатываемое в человеческом организме из жира. Причины возникновения атеросклероза до конца еще не изучены. Существует несколько теорий. Наиболее распространенная — биохимическая. Она утверждает, что корень зла — в неправильном питании: потребляя чрезмерное количество жиров, мы тем самым способствуем накоплению холестерина и нарушаем обмен веществ.

Однако можно привести немало примеров, когда человек на протяжении длительного срока принимал с пищей большое количество холестерина, и тем не менее никакого атеросклероза у него не возникло. Видимо, в развитии атеросклероза имеет значение не само по себе количество холестерина, а недостаточная его переработка и усвоение в организме.

Сейчас советские врачи начинают по-новому подходить к проблеме атеросклероза. Мы установили, что избыточное введение в организм животного жира и холестерина создает лишь благоприятную почву для возникновения болезни. Главное же — обмен веществ. А обмен веществ, в свою очередь, зависит от деятельности центральной нервной системы и желез внутренней секреции.

Несколько слов о питании. Принято считать, что при атеросклерозе диета играет чуть ли не решающую роль. Я далек от мысли отрицать значение диеты в лечении и предупреждении атеросклероза, но и преувеличивать ее роль не следует, тем более злоупотреблять ею.

Бессмысленно механически назначать диету всем людям пожилого и старшего возраста. Все зависит от состояния здоровья человека. Можно, однако, дать такие общие советы: диетические ограничения надо назначить людям старше 40 лет при наследственной склонности к заболеванию атеросклерозом, при повышенном содержании в крови холестерина, при склонности к нарушению обмена (ожирению, подагре, диабете), а также при понижении функциональной способности щитовидной железы и печени. Показанием для назначения диеты являются гипертоническая болезнь с ее склонностью к более раннему развитию атеросклероза и первые признаки возникновения атеросклеротических изменений.

В комплексе лечебных мер, который используется сейчас в клиниках и боль-

Это полезно знать

Табак и гипертония

Многочисленные наблюдения врачей говорят о том, что на состояние здоровья людей, страдающих атеросклерозом, очень вредно влияет курение. При гипертонии происходит резкое сужение (спазм) артерий, а табачный яд никотин вызывает спазм кровеносных сосудов даже у здоровых. Установлено, что после одной выкуренной папиросы у больных с начальной формой гипертонической болезни наблюдается резкий подъем артериального давления.

Ходите пешком

Ежедневная, даже кратковременная прогулка —

одно из лучших средств укрепления и тренировки сердца. При ходьбе в сравнительно длительную, но умеренную работу вовлекаются большие группы мышц; при этом активизируется дыхание и кровообращение, повышается обмен веществ, усиливаются окислительные процессы в клетках и тканях организма, а также координируется работа нервной, мышечной и сердечно-сосудистой систем. Пешеходные прогулки следует совершать регулярно, каждый день, на различные расстояния и независимо от погоды. Такая ходьба особенно необходима людям среднего, старшего и пожилого возраста.

ницах Советского Союза, применяются препараты витаминов и гормонов, а также особые биологические активные ненасыщенные жирные кислоты. Все они входят в состав новых препаратов — линетола, делипина и других.

Стенокардия, или грудная жаба, как правило, появляется в результате гипертонической болезни или атеросклероза. У человека возникают острые кратковременные приступы болей в груди, которые часто отдают в левую руку, в левую лопатку. Обычно приступы бывают при ходьбе, во время физических усилий, а также после сильных душевных напряжений. Причина болей — острая, хотя и кратковременная недостаточность в кровоснабжении сердечной мышцы. При сокращении сердца происходит не расширение, а сужение венечной артерии, и обслуживаемый ею участок сердечной мышцы обескровливается. Потом спазм проходит, кровоснабжение сердца восстанавливается.

Приступы стенокардии удается быстро прекращать сосудорасширяющими средствами, например, нитроглицерином. Это лекарство больным, страдающим стенокардией, следует всегда иметь при себе и, как только начинаются боли, принимать по 1—2 капли на язык или просто лизать стеклянную пробку флакона. Боли обычно сразу проходят.

Гораздо более опасен инфаркт миокарда — повреждение сердечной мышцы в более или менее крупном, хотя и ограниченном ее участке в результате длительного прекращения снабжения кровью этого участка. Инфаркт миокарда развивается преимущественно при атеросклерозе венечных артерий сердца.

Еще не так давно инфаркт миокарда в большинстве случаев приводил к смерти. Теперь многие больные, перенесшие инфаркт, выздоравливают и даже возвращаются к труду.

Тем не менее это — серьезнейшее заболевание, требующее от больного соблюдения строжайшего лечебного режима.

В последнее время найдены новые эффективные средства лечения инфаркта сердца. В организме существует особая, так называемая антисвертывающая система, в состав которой входят, в частности, гепарин и фибринолизин. Эта система препятствует закупорке сосудов, образованию сгустков крови — тромбов. При сердечно-сосудистых заболеваниях антисвертывающая система подавлена, находится в состоянии пониженной активности, это и способствует возникновению тромбов.

Используя данные о состоянии антисвертывающей системы, мы можем вмешиваться в течение заболевания, успешно лечить различные обострения болезненного процесса. Так, назначая больным препараты фибринолизина и гепарина, мы усиливаем деятельность этой системы. Опыт показывает: если в первые сутки после возникновения инфаркта проводить такое лечение, пробка в кровеносном сосуде (тромб) может рассосаться.

Хочу, однако, подчеркнуть, что, несмотря на все успехи в лечении, основным в борьбе с сердечно-сосудистыми болезнями должна быть профилактика, предупреждение заболеваний.

Записал М. МИРСКИЙ.

РУЧЕЙ

СКАЗКА

Весенним утром, когда после многих дней ненастья показалось голубое небо, у старой Снежной Глыбы родился Ручеек.

— Кап, кап! — удивленно и радостно проговорил он свои первые слова, оглядываясь вокруг. — А это что? Вот это, яркое и горячее?

— Солнце, — тяжело вздыхая, ответила Глыба-мать. — От него так жарко.

— Как хорошо и тепло! — зажурчал Ручеек.

Он оттолкнул прошлогодний Дубовый Лист, лежавший на краю ложбинки, лукаво блеснул и побежал вниз по склону оврага.

— Шалун, — недовольно прошелестел ему вслед Дубовый Лист.

— Не сердитесь на него, сосед, — устало произнесла Снежная Глыба. — Ведь он еще совсем глуп... Будь осторожней, малыш! — крикнула она вслед сыну.

Но Ручеек был уже далеко. Он стремительно бежал по дну оврага, радуясь своей силе, дерзко расталкивая на своем пути старые Еловые Шишки, Травинки и Листья.

Рядом с ним журчали другие Ручьи. Они весело и непочтительно смеялись над стариками, удивляясь тому, как можно спокойно лежать в темном овраге и не спешить навстречу такому чудесному дню.

Овраг кончился, распахнувшись в широкую солнечную равнину.

— Скорее туда! — крикнул Ручеек, повинувшись волшебной силе неизведанного.

— Остановись! — зажурчали Ручьи. — Сейчас мы соберемся вместе в один поток и помчимся дальше, по пути, который проложили наши предки. Разве тебе не рассказывала твоя мать, что впереди

нас ждет Тихое Озеро и мы должны сделать его полнее?

— Меня создало Солнце, и я никому ничего не должен! — крикнул в ответ Ручей. — Я не хочу растворяться в Тихом Озере! Я хочу узнать, где живет Солнце!

И он побежал по равнине, здороваясь с Травой и Цветами.

— Как долго мы тебя ждали! — говорили они Ручью. — Теперь мы вырастем сочными и красивыми. Желаем тебе удачи!

— Какие глупые, — тихо журчал Ручей. — Я силен и быстр, и мне несколько не жалко отдать кому-то несколько своих капель.

Ручей бежал и бежал, а равнине все не было конца, и Солнце высоко сияло в голубом небе.

В каменистой почве рос Клен. Давным-давно злой Сухой Ветер занес сюда и бросил Кленовое Семечко.

Иссыхал Клен. Он должен был умереть.

Перелетные Птицы, которые всегда дышали на его ветвях, сейчас пролетели мимо. Клен с завистью смотрел на них и думал: «Только бы еще одну весну...»

И вдруг что-то голубое блеснуло вдали, потянуло влагой.

Ручей, звонко перебирая камушки, сказал:

— Здравствуй, Сухарь! Недавно над тобой прошло Солнце. Может, ты знаешь, где оно живет?

— Когда-то Птицы меня называли Большим Кленом, — ответил Клен. — Я был весел и силен, как ты. И Солнце каждый день проходило надо мною. И я тянулся к нему. Это так чудесно — тянуться к Солнцу.

— Да, я знаю, — перебил Ручей. — Но где оно живет, Солнце?

Андрей ПАВЛОВ

— Солнце ярко светит всем,— ответил Клен,— но никому еще не открыло своей тайны. И мне тоже. Я умираю, так и не узнав ее... Послушай, Ручей,— сказал Клен,— ты молод. Дай мне частицу твоей силы!

— Но я уже слишком много роздал Траве и Цветам.

— Не жалею об этом. Ты еще юн и потому не знаешь, что чем больше отдаешь, тем становишься богаче. Если ты подаришь мне силу, Солнце еще не раз пройдет надо мною, и я снова буду тянуться к нему. И, может быть, ко мне опять прилетят Птицы.

— А когда ты узнаешь что-нибудь о Солнце, ты расскажешь мне? — спросил Ручей.

— Да, да. А если ты будешь уже далеко, я расскажу об этом Птицам, и они донесут до тебя.

Рисунки В. ЖИТНИКОВА.

— Хорошо,— согласился Ручей.

Клен пил долго и жадно. Его сухие и хрупкие ветви становились гибкими и упругими.

— Тише, Ручей, не журчи! — попросил Клен.— Ты мешаешь мне следить за Солнцем.

Ручей не обиделся. Разве можно сердиться, когда видишь, как рождается жизнь?

Ручей еще раз прозвенел камушками и побежал дальше. Снова равнина расстилалась перед ним.

Розовое Облако плыло по небу, оно окунулось в Ручей и засмеялось нечаянной шутке.

— Ты заслонило мне Солнце,— сказал Ручей.— Отойди в сторону!

— Сначала я полюбуюсь собой в твоей воде,— ответило Розовое Облако.— Ведь правда, я прекрасно? Зайди вот сюда, в ложбину, и останови свой бег.

— И то,— сказал Ручей,— я устал... Ты здесь живешь? — спросил он.

— Да, над этой равниной. Здесь хорошо. Ветры редко заходят сюда. Целыми днями я плаваю в небе. Птицы поют мне о моей красоте. Слышишь их?

— А что ты знаешь о Солнце? — спросил Ручей.

— Солнце? Почему ты спрашиваешь о нем, маленький земной Ручей? — заинтересовалось Розовое Облако.

— Оно знает тайну жизни,— ответил Ручей.— Я тоже хочу узнать ее.

Розовое Облако рассмеялось.

— Разве тебе мало того, что ты живешь? — спросило оно удивленно.— Оглянись вокруг, посмотри вниз. Как все прекрасно! О, я и забыло, ведь ты же всего только земной ручей, тебе ничего не видно!

Ручей долго молчал, думая о том, что услышал.

Трава выросла по берегам, пока он думал.

Жаворонок опустился в Траву, напился, взлетел ввысь, и песня его о красоте Розового Облака стала звонче и чище.

— Ты мудрое, Розовое Облако,— сказал наконец Ручей.— Наверное, ты долго живешь?

— Я не умею считать,— ответило Розовое Облако.— Но помню, что родилось в тот самый день, когда Сухой Ветер занес на равнину Кленовое Семечко. А теперь Клен стар. Солнце иссушило его ветви, и он умер, а я... Ты слышишь, как звонко поет этот Жаворонок обо мне?

Ручей хотел сказать в ответ, что он слышал шорох растущей Травы и запах Цветов, напоенных его водой, и чувствовал теплое прикосновение солнечных лучей. И о старом Клене хотел рассказать Ручей. Но песня Жаворонка была так чиста, что он подумал: «Разве то, что знаю я, может сравниться с этой песней? Может быть, мне остаться здесь, в этой ложбине, и всегда слушать Жаворонка?»

Но он тут же почувствовал, как таинственная сила неизведанного снова позвала его вперед.

— Жаль, что ты ничего не знаешь о Солнце,— сказал Ручей Розовому Облаку, убегая.

— Ты все-таки уходишь? Подожди, я вспомню рассказы своих братьев, Белых Облаков, о Солнце. Оно каждый вечер отдыхает в Синем Море. Но до Синего Моря очень далеко. Оно лежит

за Горами, и много моих братьев погибло в расщелинах их острых вершин.

— Спасибо, Розовое Облако,— сказал Ручей.— Я побегу к Синему Море.

Он вылился из ложбины и снова устремился по равнине к темневшим вдали Горам.

Огромное Синее Море тихо плескалось в своих берегах.

Солнце опускалось в него.

Золотая дорожка светилась на воде. «Мне осталось пробежать совсем немного!» — обрадовался Ручей. Он бросился со скалы в Море вслед за быстро таявшей золотой дорожкой.

И вдруг Зеленая Волна, поднятая порывом Бриза, покатила навстречу Ручью.

Ручей с нетерпением ждал ее. И рокот Зеленой Волны казался ему самой чудесной песней.

— Кто ты? — спросил Ручей, забыв о Солнце, с радостным удивлением ощущая себя таким же могучим, как Море.

— Какой ты прозрачный и сильный! — пророкотала Зеленая Волна.

— А ты... ты прекрасна! — сказал Ручей.

Море замерло в это мгновение.

Высокие Звезды, гордые своим тысячелетним светом, засверкали еще ярче.

И все замерло вокруг, слушая рокот Зеленой Волны и журчание Ручья...

А Солнце подымалось в небо и снова опускалось в Море, и каждый раз Ручей говорил:

— Завтра, когда Солнце коснется Моря, я пойду за ним. Каждый день я слышу его зов.

— Только не завтра,— отвечала Зеленая Волна.— Завтра я буду еще прекраснее...

Но вот из далекой пустыни прилетел Ветер, тот самый Злой Ветер, что когда-то давно занес и бросил на каменистую равнину Кленовое Семечко. В слепой ярости он всколыхнул огромное Море и разбил Зеленую Волну о прибрежные скалы.

Долго не утихало Море. Потускнели Высокие Звезды...

Ручей бросался на скалы и звал Зеленую Волну... Ответа не было.

Скалы влажно блестели.

Тоскливо кричали Чайки...

Потом Ручей ушел далеко в Синее Море и больше никогда не возвращался к скалам.

Он так и не догнал Солнце.

А Солнце выпило его по капле.

Ручей обратился в Снежную Тучу и однажды ночью мягкими Снежинками укрыл замерзшую Землю...

И снова была весна.

У старой Снежной Глыбы родился Ручей. Он стекал в ложбину, собираясь с силами.

— А это что? — спросил Ручей.— Вот это, яркое и горячее?

— Это — Солнце,— ответила Глыба-мать.— Послушай, что я скажу тебе, малыш. Сейчас ты победишь навстречу дню. За оврагом перед тобою откроется равнина. Прислушайся. Если ты родился счастливым, ты услышишь волшебный зов — иди за Солнцем. Может быть, тебе удастся узнать его тайну... А если нет, не печалься. То, что ты увидишь, прекрасно! Я знаю...

Ну, вот ты и окреп... Ах, как я завидую тебе! Нет, нет, ты не жалею меня. Я счастлив... Ну, иди же, иди, не мешкай!

Разговор о платье задел за живое.
Фото А. ШАПИРО.

ОТЧЕГО НАДМЕНИ

примерит, аккуратно завернет в фирменную бумагу и поблагодарит за покупку.

Широкие двери магазина не успевают закрываться. Бесконечный поток покупателей. Но почему так мало женщин выходит со свертками?

Мы надеваем халаты с эмблемой магазина, становимся за прилавок вместе с продавцами.

— Пожалуйста, проходите! — приглашаем покупательниц.

— Мне бы платье для работы...

— Мне выходное, нарядное.

— Хотелось бы подарить маме. Гладкое, строгое...

— А мне подешевле, но чтобы элегантно.

Сколько разных просьб, желаний! Но всем нужны платья для лета. Начинаем предлагать:

— Костюмчик из репса.

— Нет, не подойдет. Очень крупный рисунок.

— Тогда вот это платье из марокена.

— Нет, не нравится: ткань блеклая, словно выгоревшая на солнце. Хотелось бы что-нибудь порадостней.

— Может быть, это?

— Да, пожалуй. Но фасон... Ведь эти платья носили два-три года назад.

Вместе с продавцами мы предлагаем еще и еще. И вместе с продавцами краснеем, слушая справедливые упреки покупательниц. Многие из них уходят от нас с испорченным настроением, так ничего и не купив, а открыв дверь магазина на улицу, снова видят напротив витрину Дома моделей...

Почему же, пересекая улицу, платья теряют краски, красоту формы, чистоту отделки? Почему так мал выбор их?

Вопросы, вопросы... Их задают тысячи женщин в магазинах, в письмах, которые приходят в редакцию. А кто ответит на них? Работники торговли? Швейники? Текстильщики?

Вот и решила «Работница» вместе с Центральным универсальным магазином, филиалом которого является «Светлана», пригласить их для большого разговора о женском платье.

Кто бы ни выступал на нашем совещании — М. М. Фокина, директор одной из крупнейших швейных фабрик Москвы — одиннадцатой, коммерческий директор Центрального универмага Л. А. Кузнецова, начальник швейного отдела управления легкой промышленности СНХ СССР В. М. Соколов, — каждый говорил о проблемах, назревших и нерешенных, которые мешают платью быстро найти дорогу к покупателю.

— «Светлана» может продать платьев в несколько раз больше, чем сейчас. Но у нас их нет, — говорит директор магазина М. В. Степанова. — Особенно больших размеров.

Всего два года назад с большой пышностью был открыт магазин «Светлана». Открыли и... забыли о нем. Никого, видимо, не беспокоит, что швейные фабрики выполняют заказы магазина всего на 60—70 процентов.

Шьют для «Светланы» несколько крупных фабрик.

— Два раза в год, — продолжает Степанова, — мы составляем заказ. Спорим до хрипоты, сколько нужно платьев, каких фасонов, расцветок, тканей, размеров. Отослём заказ на фабрику, а придет время получать — ничего похожего. Зря ругались. Брать приходится то, что дают. Ведь фабрика, к примеру, одиннадцатая, кроме «Светланы», снабжает платьем еще 117 магазинов. Вот и толпятся ежедневно на фабричном складе десятки заказчиков. Подошла очередь — получай платье одного размера, те, что сегодня идут с конвейера.

А не лучше ли установить такой порядок, чтобы швейные фабрики снабжали меньшее количество торговых точек, тогда ассортимент в специализированных магазинах будет представлен более широко и полно.

Интересен в этом отношении опыт московской фирмы «Большевичка», которая заключила договор с 22 магазинами (вместо прежних 230) на поставку мужских костюмов. Теперь заказы выполняются точно. График завоза готовой продукции планируется на каждый день. Посетители фирменного магазина «Большевички» уже ощутили, что выбор костюмов увеличился. Непосредственные отношения между магазином и фабрикой дали возможность быстрее откликнуться на изменения покупательского спроса, сделали лишними многие звенья цепи «производство — реализация».

Если у фабрик будут свои магазины, покупатель выиграет вдвое. Увеличится не только ассортимент изделий, улучшится их качество. Ведь магазин станет витриной фабрики.

* * *

Платье начинает свой путь от художника. Появляется в альбоме силуэт, выбирается ткань. И вот наконец найдена гармония, о которой мечталось: материя выявляет достоинства фасона, а линии платья, в свою очередь, подчеркивают оригинальность рисунка, интересную структуру ткани. Платье, выполненное в единственном экземпляре и именуемое моделью, готово.

О, будь оно предметом одушевленным, оно бы не выдержало всех волнений, которые начинаются с этого дня. Настоящая экзаменационная сессия. Экзамен первый — художественный совет Дома моделей: пропустят или не пропустят? Экзамен второй — выбор мо-

Манекены на витринах Общесоюзного Дома моделей очень чувствительны к переменам погоды. Чуть поярче засветило солнце, очистило витрины от инея — и они тотчас сбрасывают теплые пушистые шубы, зимние пальто и уже демонстрируют перед прохожими весенние костюмы. Распустились на бульварах деревья — и манекены наряжаются в ситец, поплин, шелк, открывают свои холодные гипсовые плечи и стоят гордые, недоступные, поглядывая свысока на стайку завистниц, остановившихся у витрин на Кузнецком мосту. Завистниц много: ну какой женщине не хочется летом нарядиться вот в такое платье — легкое, яркое, элегантно!

Так за чем же дело стало? Напротив, через дорогу, — «Светлана», самый большой в стране магазин женского платья. Дом моделей познакомит с новинками моды, а «Светлана» выберет вам платье,

НЫ МАНЕКЕНЫ

делей фабрики: возьмут или не возьмут? Третий, решающий экзамен принимают работники торговли. Бывает, расходятся у них мнения со швейниками. И довольно часто.

Купит, например, фабрика сто моделей, а представители торговли отберут пятьдесят. Остальные тридцать — балласт. А за этот балласт фабрика заплатила Дому моделей немалые деньги. Спрашивается: кому нужна такая трата времени и государственных средств? Почему бы представителям фабрик, торговых баз и магазинов вместе не отбирать платья в Доме моделей?

Но, допустим, модель выдержала все испытания, платья сошли с конвейера и появились в магазине. Почему так нелепо выглядят некоторые из них?

Ткань... Неудачно выбранная ткань.

— У нас очень ограниченный выбор материи для летнего платья, — говорили на нашем совещании директора фабрик. — Не остановишь же конвейер, вот и шьем из чего придется...

В самом деле, казалось бы, лето должно радовать яркими расцветками шелка, репса, поллина. Но дыхание жарких дней на складе фабрики не ощущается: полки наполовину завалены тяжелыми темными тканями. Нам кажется, что Союзглавторг Комитета Совета Министров СССР по торговле давно уже стоит обратить внимание на просьбы швейников и подумать, как изменить существующий порядок снабжения фабрик тканями, как подчинить его требованиям сезонов.

— И кто только выпустил эту ткань? — спрашивали нас покупатели в «Светлане», отказываясь от какого-нибудь платья. — Старомодный рисунок, жухлые краски, неудачная структура...

Мы записывали артикулы тканей и выясняли их адреса. Они чаще всего совпадали — московский комбинат «Красная Роза», комбинат имени Свердлова, имени Щербакова...

Недавно прошла первая Всесоюзная оптовая ярмарка тканей. Она порадовала обилием новых тканей, позволила швейникам сравнивать, выбирать, устанавливать деловые связи с текстильщиками. На стендах ярмарки, как в зеркале, отразилась и работа текстильных предприятий.

— Мы с удовольствием смотрели, — рассказывали швейники на нашем совещании, — на шелка Дарницы, фабрик «Ригас Аудумс» и «Кауно-Ауденяй», Бен-

дерского шелкового комбината. Увы! Многие ткани московских предприятий покупать не хотелось...

Ткани, которые не хотелось покупать, «принимали участие» в нашем совещании. Они висели тут же, в зале. И когда главный колорист тов. Белкина и заместитель главного инженера шелкоткацкого комбината имени Свердлова тов. Войтех пытались оправдать низкое качество своей продукции причинами, по их мнению, объективными, им показали несколько образцов штапеля с лавсаном, изготовленных их же комбинатом. Год назад это была ткань радостная, с красивым рисунком; сейчас на сером фоне расплылись серо-оранжевые и серо-голубые огурцы. Показали им и марокен, платье из которого расплозаются по швам уже на вешалке в магазине. И полпин, краска с которого слезает еще до стирки.

А сколько тканей бракуется на швейных фабриках! Перекошена нить... Перекошен рисунок...

Что же, все это от причин объективных?

* * *

На совещании была устроена и выставка платьев, которые не нашли своего покупателя. К каждому была приколата небольшая, но выразительная характеристика: «черное вечернее платье отделано темно-синими нитками», «дорогое, а вида не имеет», «безвкусно подобрана отделка», «плохой подбор фурнитуры» (например, бельевые пуговицы на платье из парчи).

Когда началась демонстрация этих платьев, представители швейных фабрик испуганно кричали: «Это не наше!»

«Ваше я, ваше! — показывало им платье паспорт-ярлычок. — Вы сделали меня без любви, и я стало никому не нужным, никому не принесло радости».

Были в отряде «инвалидов» платья одиннадцатой фабрики, восемнадцатой, сорок третьей...

На ярлычке многих платьев стояла одна короткая фраза: «Спросом не пользуется».

Кто виноват, что в магазинах появляются такие платья? — спрашивали мы в каждой из многочисленных организаций, через которые платья проходят свой долгий и нелегкий путь до прилавка. По мнению работников этих организаций, виноват, оказывается... покупатель. Он приходит в магазин со своей меркой: «Хо-

чу — куплю, хочу — не куплю». Попробуй угадай, что он захочет летом следующего года. Особенно если «он» — это она.

Пожалуй, и массовое желание купить летнее платье можно объяснить стихийным бедствием, чем-то вроде наводнения. А раз стихия — виновных нет.

Но только ли строптивым нежеланием покупать можно объяснить такие факты, когда на одном складе залежались пятнадцать тысяч платьев, на другом — двадцать пять тысяч мужских галстуков, на третьем — вечерние туалеты, приобретенные оптом у зарубежных фирм?

— А ведь было время, — с грустью вспоминают некоторые старые работники торговли, — лет пятнадцать тому назад, когда в магазинах разбирали подчистую все, что ни появлялось. Покупателя не спрашивали, нравится или нет...

А пришло время спросить!

«Товарный голод» кончился. Теперь, покупая новую вещь, мы оцениваем прежде всего ее качества: модна ли, нарядна, прочна, по сезону ли? И как естественное следствие быстрого роста народного благосостояния — вещи, выполненные без души, без учета сегодняшних требований, оседают на складах, образуя так называемые «сверхнормативные товарные запасы».

Их скопились уже огромное количество. Почти полугодовая выработка всех швейных фабрик. Лежат они мертвым капиталом, занимая полезную площадь и без того тесных складов.

Вот как дорого обходится обществу «безобидное» на первый взгляд мнение о том, что изменения в спросе — это стихийный процесс.

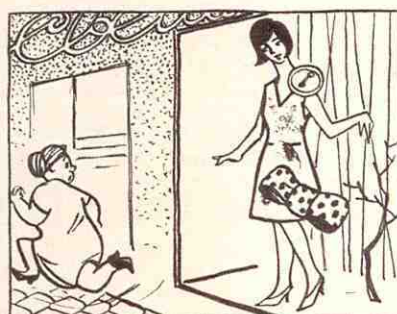
— Изучение покупательского спроса? Как же! Мы это делаем постоянно, — в один голос заявляют работники торговых, швейных, снабженческих управлений. — Регулярно ходим по магазинам, смотрим, что берут, как берут, что остается висеть.

Слов нет, этим людям полезно бывать в магазинах. Но нельзя решение серьезной проблемы сводить только к знакомству с тем, как сегодня реализуются товары. Изучать спрос — это значит предвидеть, формировать его и в соответствии с этим планировать производство.

Итак, платьев нет. И платьев слишком много. Странное противоречие. Организации, призванные планировать, направлять производство и торговлю, должны как можно скорее найти действенные способы для его разрешения. Женщины хотят быть красиво одетыми!

Т. АЛЕКСАНДРОВА,
С. ЛАПТЕВА

Рисунки Н. ЕРЕМЧЕНКО.

В. ПЕСКОВ
ШАГИ ПО РОСЕ

Прочитайте эту книгу

Шаги по росе — след на земле

К сожалению, мне не довелось вместе с Василием Песковым печатать шаги по росе. Но я глазами «прошел» все 348 страниц его отличной книги и много интересных людей повстречал на этом пути.

Глава за главой — «Счастье первой тропы», «Люди, которых я помню», «Звезды в ладонях», «Земля космонавтов», «В двух шагах от экватора», «Лесные глаза» — передо мной проходили, прочно оседая в памяти, люди, годы, события, страны. Казалось бы, разрозненные очерки, репортажи, лирические миниатюры, а создают они цельное представление. Читаешь их, как роман, ждешь продолжения, волнуешься.

Почему так? Ведь на новых страницах — новые имена, новые характеры.

Да потому, что они во многом схожи: в каждом видишь душевную красоту, от каждого ждешь подвига, благородства. Влюбленные в жизнь люди, влюбленный в людей автор — не в этом ли секрет таланта?

А талант этот щедрый, неисчерпаемый, самобытный. Книга Пескова стоит на том перекрестке, где оперативная журналистика вливается в русло большой художественной прозы. О чем бы ни писал Песков — о природе, о лисичке, прирученной охотником, — он поет человеку, ему он слагает гимны. Его герои — люди сильные и добрые (сильные своей добротой), говорит он о них задушевно, лирично, иногда с мягким юмором, добродушной улыбчивостью. Песков — мастер емкой фразы, глубинного подтекста.

Некоторые строки произносятся просто как стихи. Да это часто и есть стихи в прозе (почитайте новеллы о природе)!

Сколько светлых имен, сколько восторженных и по-восторженному описанных людей представил нам автор! Здесь и покорители Каракумов, и строители Братской ГЭС, и те, кто поднимает целину, и те, кто в тиши лабораторий делает открытия в науке. Нет у него пасынков. Он восторженно говорит и о тех, кто совершает подвиг на земле, и о тех, кто совершил его в космосе — и о подполковнике Павле Поповиче, и о кавалере Золотой Звезды Иване Назарове, и о ребятах, смело вступивших в схватку со стихией. С героями Пескова хочется дружить.

Но сказать о Пескове только как о репортере, новеллисте, проникновенном мастере пера — значит сказать лишь половину. В нем мы находим редкое сочетание: Песков одинаково мастерски владеет и пером и фотообъективом. Одно дополняет другое. Иногда главное — фотография, иногда снимки сделаны лишь для иллюстрации мыслей очерка. «Шаги по росе» — это своеобразные страницы летописи наших дней. Хочется от всей души еще раз поздравить читателей с хорошей книгой, а автора — с заслуженной Ленинской премией.

Е. ВИШНЕВСКИЙ

В. ПЕСКОВ «Шаги по росе». «Молодая гвардия». 1963.

Елена СТАСОВА,
Герой Социалистического Труда,
член КПСС с 1898 года.

ЖЕНЩИНЫ СЕМЬИ СТАСОВЫХ

С детства я помню портреты дяди — известного деятеля русской культуры — Владимира Васильевича Стасова и матери моей Поликсены Степановны. Портреты принадлежали кисти Ильи Ефимовича Репина, большого друга нашей семьи, и висели в доме моих родителей, там же, где «Осужденные» В. Маковского и «Тройка» В. Перова.

Редакция журнала «Работница», воспроизводя здесь портреты Надежды Васильевны и Поликсены Степановны Стасовых работы Репина, попросила меня рассказать об этих двух женщинах, немало сделавших для образования женщин России.

...Тетка моя Надежда Васильевна в молодые годы много сил потратила на организацию первых воскресных школ для женщин. Она же была одной из тех, кто, желая дать возможность неимущим женщинам как-то устроить свою жизнь, основал «Общество дешевых квартир, артель переводчиц и наборщиц». Нечто подобное описал Н. Г. Чернышевский в романе «Что делать?».

Вместе с Надеждой Васильевной в организации воскресных школ да и в других ее начинаниях активное участие принимала моя мать Поликсена Степановна Стасова, так же как и Надежда Васильевна, принадлежавшая к образованнейшим и передовым женщинам своего времени.

В семидесятых годах прошлого столетия в Петербурге несколько женщин возглавили борьбу за высшее женское образование. Среди них были Надежда Васильевна и Поликсена Степановна.

Они организовали «Общество помощи высшему женскому образованию», благодаря которому через некоторое время были созданы в Петербурге первые Высшие женские курсы.

Мысль о создании Высших женских курсов поддержали многие профессора университета и других высших учебных заведений, в том числе профессор Александр Петрович Бородин (известный композитор и крупный ученый). Кстати, Бородин был созда-

телем Курсов для женщин при Николаевском военном госпитале. Если мне не изменяет память, на этих курсах начинала учиться Софья Васильевна Ковалевская.

«Общество Высших женских курсов», помимо членских взносов, добывало средства с помощью концертов, которые устраивались обычно в зале дворянского собрания (ныне Ленинградская филармония).

Сборы от концертов, в которых бесплатно участвовали выдающиеся исполнители, шли в кассу общества.

Первые Высшие женские курсы организовались в доме на Васильевском острове, кажется, на 10-й линии. Много замечательных русских женщин получило здесь образование. Среди них Анна и Ольга Ульяновы, Надежда Константиновна Крупская...

Курсы носили название «Бестужевских» по имени председателя комитета курсов профессора Бестужева. Но, по сути дела, директором курсов была Надежда Васильевна Стасова. Она руководила курсами до тех пор, пока третье отделение жандармского управления не потребовало, чтобы директором был мужчина. Им и был назначен профессор Раев. Однако Надежда Васильевна продолжала пользоваться огромным авторитетом, как член Комитета Высших женских курсов. Но и как член комитета она оказалась неугодной царскому правительству.

Лишившись работы, которая долгое время была смыслом ее жизни, Надежда Васильевна тут же создала небольшой комитет, с помощью которого впоследствии образовались курсы для повышения знаний молодых работниц и подростков. Ею же было создано общество «Детская помощь», ставившее своей задачей создание яслей и детских домов для детей работниц.

Умерла Надежда Васильевна буквально на трудовом посту. Помню, числа 25 или 26 сентября 1895 года мне одна знакомая сообщила, что сговорилась с Надеждой Васильевной поехать на курсы. Приехав в назначенное время, она узнала, что какая-

то женщина, вошедшая за полчаса до нее, потеряла на лестнице сознание. Швейцар отправил ее в Мариинскую больницу. Я тотчас вместе с приятельницей тетки отправилась в больницу, и там в приемном покое мы нашли Надежду Васильевну. С помощью дяди Владимира Васильевича Стасова мы перевезли ее на квартиру, где Надежда Васильевна и скончалась.

После смерти Надежды Васильевны руководительницей общества «Детская помощь» стала моя мать. Не раз в нашем доме проводились концерты и лекции, сборы от которых поступали в кассу этого общества.

На визитной карточке обычно писалось: «Поликсена Степановна и Дмитрий Васильевич Стасовы приглашают Вас на чашку чая, такого-то числа и месяца, в 7 часов вечера». Внизу сообщался адрес: «Фурштатская, 20, кв. 7». Раздающий карточки получал от приглашенных деньги (не менее 3 рублей). Если приглашенный не имел при себе необходимой суммы, он вносил ее на вечере. В передней для этих денег специально ставился поднос, около которого всегда кто-нибудь дежурил. Это делалось потому, что не было уверенности в том, что вечер пройдет благополучно, то есть что не явится сыскная полиция,— тогда хозяевам квартиры пришлось бы нести серьезную ответственность.

Однажды на нашей квартире была организована лекция Туган-Барановского. По окончании ее, как всегда, гости приглашались в столовую, где был сервирован чай. И вот тут с парадного и черного ходов в квартиру ввалилась полиция, пожелавшая переписать всех присутствующих. К счастью, в числе гостей была известная общественная деятельница графиня Софья Владимировна Панина. Ее присутствие и помогло отвести от нашего дома нависшую над ним неприятность.

Председательницей общества «Детская помощь» Поликсена Степановна Стасова была до Февральской революции.

К сожалению, я не помню, как Илья Ефимович Репин, хорошо знавший нашу семью, писал портреты Надежды Васильевны и Поликсены Степановны. Одно могу сказать — портреты художнику удалось.

А мне они очень дороги.

**ПОЛИКСЕНА СТЕПАНОВНА
И НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА
СТАСОВЫ.**

Портреты работы И. РЕПИНА.
(Русский музей, Ленинград.)

Е. ПОДОЛЬСКАЯ. АППЛИКАЦИИ.

Вот уже много месяцев с экранов страны не сходит полюбившийся зрителям фильм «Родная кровь». Десятки, сотни писем получил за это время Евгений Семенович Матвеев, сыгравший в этом фильме роль простого, доброго человека — Федотова. Писем оказалось так много, что ответить всем корреспондентам было невозможно. И Евгений Матвеев обратился в нашу редакцию с просьбой разрешить ему ответить через журнал «Работница» на многочисленные вопросы зрителей, вернее, зрительниц, так как большинство авторов писем — женщины.

Мы охотно предоставляем ему эту возможность.

Дорогие друзья мои!

В который уже раз, читая и перечитывая письма, я вновь вспоминаю месяцы, отданные этому фильму, и всякий раз с благодарной радостью чувствую, что труд наш не пропал даром, что он вознагражден таким пониманием и таким теплом, с которым ничто не может сравниться.

Да и какому художнику, если он искренне служит своему делу, не обрадуют такие строки: «После знакомства с Федотовым в моей жизни стало еще одним хорошим человеком больше...»

В своих письмах женщины задают мне множество вопросов. Что же интересует зрительниц? Прежде всего, что побудило меня сыграть Федотова, как вообще создавалась картина, что помогло мне в работе над ролью, как сложились отношения с детьми? Попробую ответить на эти нелегкие для актера вопросы.

Тема высоких моральных качеств человека, подлинной духовной красоты волновала меня давно. В какой-то мере она была определяющей почти для всех моих экранных героев. Вспомните Лобанова («Искатели») или Костю («Дом, в котором я живу»), а тем более Нагульнова («Поднятая целина»).

И еще мне казалось совершенно необходимым серьезно поставить на экране вопрос о настоящей, большой любви, противопоставив ее циничному, легкому отношению к чувству некоторой, пусть даже совсем небольшой, части современной молодежи. Может быть, меня толкнули к роли Федотова и воспоминания о том времени, когда моя мать, малограмотная женщина, оказалась брошенной отцом, образованным «интеллигентом».

Высокое уважение к женщине-матери, ненависть к подлецам, пренебрегающим великим, ответственным званием ОТЕЦ, боль за детей, лишенных семьи, — обо всем этом я ощущал неодолимую потребность поговорить со зрителями. И тут, на мое счастье, сценарий по замечательной повести Федора Федоровича Кнорре и пленивший меня образ Федотова.

«Как просто и трогательно относиться вы и Соня к детям, они любят вас, а мо-

Кадр из фильма «Родная кровь».

СЧАСТЬЕ АКТЕРА

Евгений МАТВЕЕВ,
народный артист РСФСР

жет, и вправду это ваши дети?» — прочитал я в одном из писем. Надо сказать, что этот вопрос повторялся многими.

Мне думается, что такое впечатление могло создаться в значительной степени оттого, что во время съемок у нас, актеров, действительно сложилась атмосфера искренней дружбы и товарищества. И во многом этому помогли дети. Ведь они способны правдиво воспроизвести только то, во что верят, верят, что это «взаправду».

Андрюша, например, исполняющий роль маленького Гонзика, не думал, что он играет. Он просто привык к большому дяде Володе, который гулял, играл, разговаривал с ним. Поэтому, когда Андрюше сказали, что дядя Володя уезжает и неизвестно, скоро ли вернется, у Андрюши-Гонзика задрожали губы, и, готовый заплакать, он пролепетал: «Приезжай, только скорее...» Эта сцена, по мнению зрителей, одна из самых правдивых в фильме.

Или, помните: когда мама бранит ребят за то, что они постирали гимнастерку Федотова, маленькая Сонечка плачет? А ведь исполнительницы роли Сонечки — Танюшке — в это время совсем не хотелось плакать, напротив, она была очень весело настроена. Но снимать было необходимо. И режиссер Михаил Ершов вынужден был прибегнуть к «угрозе».

— Ну что ж, Татьяна, — сказал он, — плакать ты не умеешь, придется взять другую девочку на эту роль.

И слезы сразу появились, даже в избытке.

Итак, наши ли это дети? Нет, конечно. Шестеро ребят, занятых в фильме (трое младших и трое старших), пришли к нам в «семью» из числа девяти тысяч мальчиков и девочек, мечтавших сниматься в кино. И несмотря на то, что у исполнительницы роли Сони — артистки Вии Артмане — и у меня есть собственные дети, дети, с которыми нас познакомил и сдружил фильм, стали нам бесконечно дороги.

Когда отсняли все эпизоды, в которых были заняты самые маленькие исполнители, и их отпраздновали из Риги (часть фильма мы снимали в окрестностях города) домой, в Ленинград, на вокзале стоял такой рев, что пассажиры высочили из вагонов посмотреть, что случилось. А случилось то, что дети прощались со своей временной мамой Вией Артмане.

Когда я читаю в письмах: «Вы утверждали, что прекрасного в жизни много...», «...Убогость обстановки не заслонила богатства души героев, их веры в Большую Любовь, — и это главное...», — я испытываю большую радость. Зрители поняли нас, мы стремились именно к этому! Мы хотели сделать картину светлой, поэтичной, радостной, несмотря на лишения и трудности, которыми была полна жизнь героев в годы Отечественной войны.

Молодой женщине из Орехово-Зуева, которая пишет, что «такая любовь бывает только в кино», мне хочется ответить словами москвички, также откликнувшейся на наш фильм: «Ваша картина как будто про нас, только наши дети уже взрослые». Как видите, это уже не «только в кино»!

Хочу вспомнить еще, правда, не письмо, а записку, которую я получил из зала на встрече со зрителями в городе Воронеж. Записка была от мужчины. «Я подонок, — писал он. — Чувствую, вернусь к детям. Пожалуйста, не читайте записку вслух». Мне эта «самокритика» пришлась по душе. Если б автор записки, прочитав эти мои строки, написал, что он действительно вернулся, я был бы счастлив.

И последнее. Может быть, не все читательницы журнала «Работница» знают, что фильм «Родная кровь» на VI Всемирном кинофестивале в Буэнос-Айресе был удостоен высокой награды — приза «За гуманизм в искусстве».

О. ВОРОНОВА

КРАСИВО И ПРОСТО

Ребятишки, пересыпающие желтый песок в разноцветные формочки... Бирюзовое море, бьющееся о берег... Уверенный рисунок, сочные, как бы пропитанные южным солнцем краски. Ярко, колоритно, похоже на живопись маслом.

Белая задумчивость снега, следы, уходящие вдаль, одинокая мужская фигура... Холодные, светлые тона, как бы размытые краски. Акварель?

Ни то, ни другое! Это аппликация из цветной бумаги, выполненная одесской художницей Екатериной Подольской.

В 1952 году Екатерина окончила Одесское го-

сударственное художественное училище. Ее дипломная работа — настольная скульптура, изображающая трех мальчиков — белого, желтого и черного, которые запускают в небо голубя, — была оценена на «отлично» и отмечена в местной печати.

И вот яркими огнями горят расписанные Подольской сервизы, нежной прозеленью светятся вазы для цветов. Но больше всего она лепит детей.

Увлечение аппликацией пришло к Подольской, когда она уже стала зрелым художником.

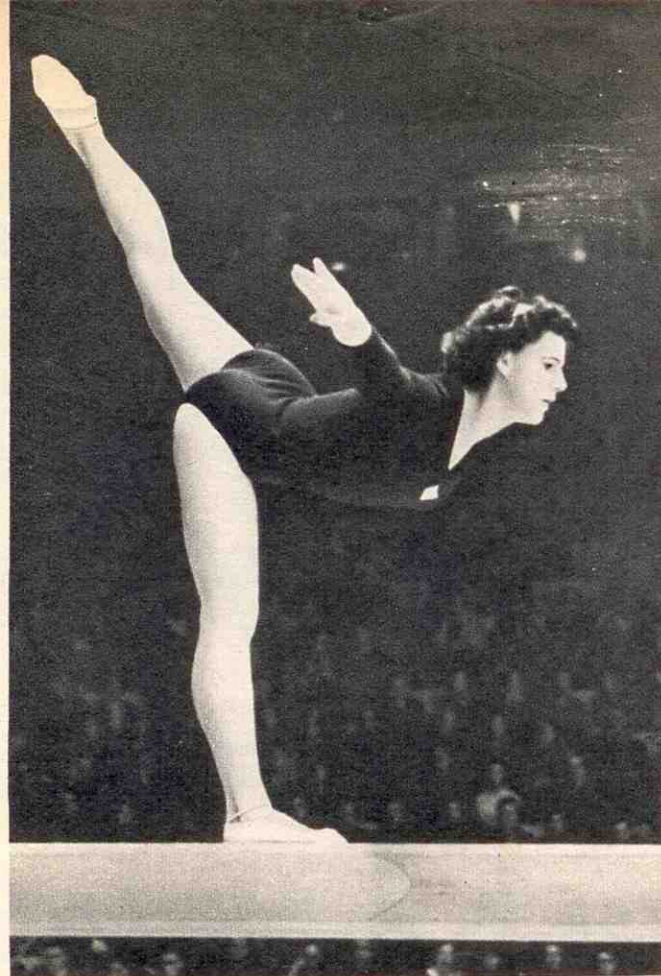
Лаконичность, простота форм, выразительность при минимальной затрате изобразительных средств — вот что привлекло ее к этому жанру.

Как создается аппликация? Продумав сюжет и композицию будущей картины, Подольская делает тщательный цветной рисунок такого же размера, как и будущая аппликация. Потом из цветной бумаги вырезаются куски и наклеиваются на картон.

Пожалуй, аппликациям художница предпочитает только акварели, тонкие, нежные, прозрачные...

Но даже любимые акварельные рисунки, поставленные в мастерской месяцами, часто превращаются в аппликацию.

В мае 1963 года аппликации Подольской были экспонированы на одесской выставке прикладного искусства и получили признание зрителей.

Софья Муратова.

Фото А. БОЧИНИНА.

ВТОРОЙ ВЗЛЕТ

Герард ЕЛЕНСКИЙ

Любители спорта не могли не заметить, что с начала 1961 года на соревнованиях перестала выступать одна из лучших гимнасток мира, Софья Муратова. А когда стало известно, что у нее родился второй ребенок, многие решили, что спортивная звезда Софьи Муратовой закатилась навсегда.

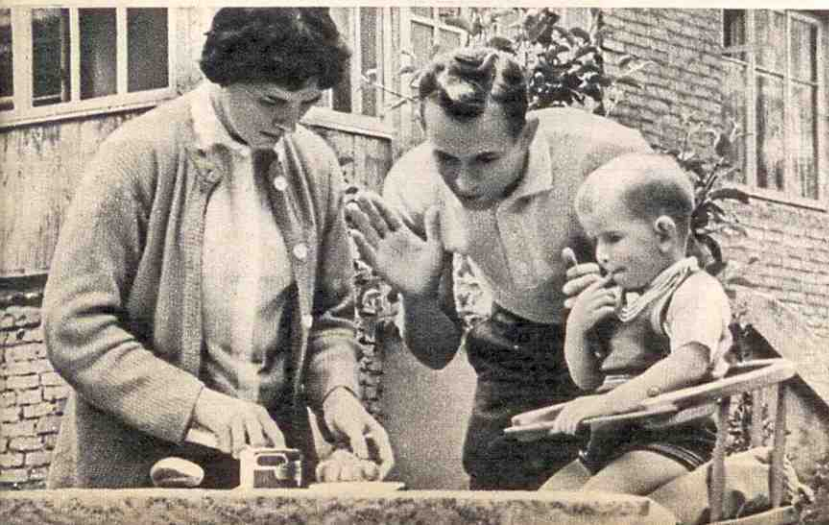
Действительно, заботы о малыше и старшем сыне за-

полнили жизнь Софьи. Времени не хватало, и его постоянно приходилось отнимать у сна. Тут уже было не до спорта. Укачивая Андрюшку, она с легкой грустью поглядывала на аккуратно расставленные и разложенные на полках кубки и медали, немые свидетели ее недавней спортивной славы.

...Вот тот маленький мельхиоровый кубок напомнил

Софья и Валентин Муратовы с сыном Андрюшей.

Фото В. ТУТОВА.

ей о первой победе на все-союзных юношеских соревнованиях; тогда ей было всего пятнадцать лет. А вот первая золотая медаль чемпионки СССР, завоеванная в девятнадцать лет...

Потом замужество. Весной 1952 года родился Сережа. На Соню обрушились новые заботы и обязанности. А на мужа особенно рассчитывать не приходилось: Валентин Муратов, известный гимнаст, и дома-то почти не бывал; если не уехал куда-нибудь на соревнования, то или тренируется, или на занятиях в институте. Кто знает, что бы делала Соня, если бы не свекровь, Марфа Андреевна. Спасибо, та выручила.

Когда Сережа начал ходить, Соня возобновила тренировки. Сын оставался на попечении бабушки. С помощью своего постоянного наставника Ивана Степановича Журавлева она быстро обрела былую спортивную форму, и на розыгрыш чемпионата мира в Риме (июнь 1954 года) супруги поехали вместе. В «вечном городе» Соню постигла неприятность: она растянула мышцы и выбыла из соревнования. Зато Валентин постарался за двоих: его успех был отмечен тремя золотыми медалями и званием абсолютного чемпиона мира.

Но у себя дома «под навес» спортивного сезона Соня завоевала три золотых медали и диплом абсолютной чемпионки СССР.

После блестящих выступлений на XVI Олимпийских играх в Мельбурне Валентин был награжден орденом Ленина, Соня — орденом Трудового Красного Знамени.

Пять лет назад Валентин Муратов покинул спортивную арену. Окончив институт, а затем аспирантуру, экс-чемпион посвятил себя тренерской работе. Решила получить высшее образование и Соня. В тот день, когда Сережа в первый раз открыл двери школы, его мама начала слушать лекции в педагогическом институте.

И вот на руках уже второй сын. О спорте, казалось, надо забыть. Соня понимала, что занять призовое место в соревнованиях теперь будет куда труднее, чем раньше. Не секрет ведь, что наивысших достижений в гимнастике женщины обычно добиваются в 22—28 лет. А ей уже минуло 33...

Может быть, Соня и не предприняла бы решительного шага, если бы не сын.

Сережа давно грезил гимнастикой, ему хотелось стать таким же сильным и ловким, как папа. Его приняли в детскую спортивную школу. От дома далеко, нужно ехать с двумя пересадками, и Соне пришлось возить сына на занятия. В большом зале одновременно с ребятами тренировалась группа мастеров спорта, все знакомые Сони. Смотрела она на них, смотрела и подумала: «А почему бы не присоединиться к ним, ну хотя бы на то время, пока занимается сын?» И как-то раз, отправляясь с Сережей на занятия, прихватила с собой гимнастический костюм и тапочки. Так, на всякий случай...

Велика была радость, когда она убедилась, что мышцы не ослабли, тело по-прежнему послушно да и сноровка не пропала.

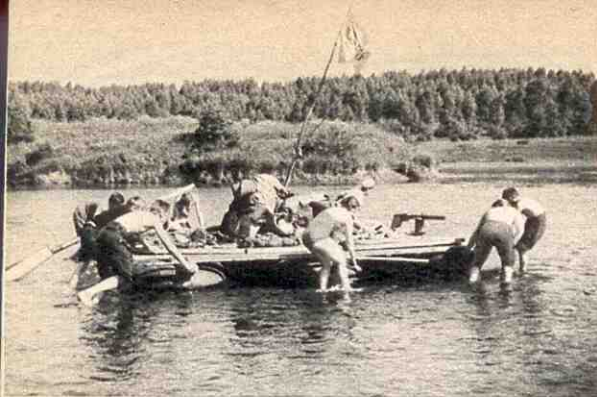
Словом, гимнастические дела начали быстро налаживаться. Уже через полгода она получила право представлять советский спорт на чемпионате мира в Праге и выступила с большим успехом. А в конце 1962 года заняла второе место в соревнованиях на первенство СССР.

Наступили дни III Спартакиады народов СССР. 700 лучших мастеров гимнастики всех союзных республик съехались в Москву на конкурс красоты и ловкости. В числе их были «королева» двух олимпиад Лариса Латынина, призеры мировых и олимпийских турниров Полина Астахова, Тамара Манина, Лидия Иванова... И все-таки Соня решилась.

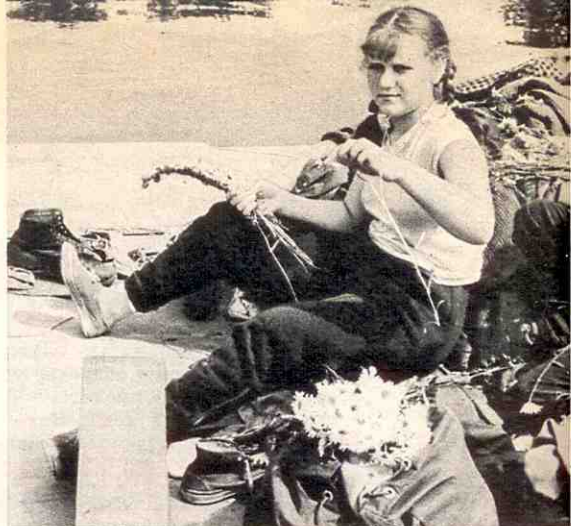
Успех превзошел все ожидания. Трудно было поверить, что на помосте не юная девушка: так изящны и пластичны были ее движения, настолько легко она выполняла сложнейшие комбинации на различных снарядах и ввольных упражнениях. В итоге трехдневных соревнований Софья Муратова стала абсолютной чемпионкой Советского Союза. На 35-м году жизни! — новый спортивный взлет!

— Долго ли вы собираетесь активно заниматься спортом? — спросил я как-то Софью Муратову.

— Видимо, уже до конца своих дней, — улыбнувшись, ответила она. — А выступать буду, пока смогу на равных бороться с молодежью. А сейчас... Сейчас мне очень хочется принять участие в Олимпийских играх в Токио. Это было бы моим третьим выступлением в олимпиадах и, кто знает, может, и не последним...

Сели на мель. Раз, два — взяли!

В тихий час.

"Будь здоров!"

Дороги... Пожалуй, нет на земле человека, которого они не манили бы. Какой удивительный мир бежит навстречу вместе с хвойным ветром, горьким дымом ночных костров, романтической песней!

...В флибустьерском дальнем
синем море
Бригантина поднимает паруса.

У нас бригантины не было и парусов тоже. Был всего лишь небольшой плот под именем «Будь здоров!» из досок и старых автомобильных шин.

Но прежде чем рассказывать о путешествии, наверное, нужно представиться. Кто мы такие? Ребята из московской школы имени Зои и Шуры Космодемьянских — два Юры, два Вовы, три Саши, Лена, Алла, Лариса. Ну и я, учитель, турист со стажем.

В каждом походе бывают трудности, и ребята заранее готовились к ночевкам в палатках, к холодным зорям, учились разжигать в дождливую погоду костер... Но самого главного препятствия предугадать все-таки не смогли. Оно возникло неожиданно, за несколько дней до отъезда. Мамы... Они были на редкость единодушны в своих прогнозах и считали, что у нашего путешествия может быть только два исхода: или мы утонем, или умрем с голоду. Сколько было споров, ссор и слез! И хотя заразить оптимизмом всех родителей нам не удалось, их согласия все же добились.

В одно из июньских утр вслед машине, выезжающей со школьного двора, неслись последние пожелания:

— Одевайтесь теплее!.. Не пейте сырой воды!..

Сырую воду мы, конечно, пили. Из истока Волги, круглого, гулкого колодца. Вода была желтоватая, холодная и вкусная до удивления. Пили по несколько кружек, не могли оторваться.

Волга... Мы шли вдоль маленького ручейка, иногда перепрыгивали через него. Неужели это та самая Волга, которая где-то там, ниже, поражает необъятностью водных просторов и легко покачивает на своих волнах гигантские теплоходы?...

У Селижарова, где волжские берега отодвинулись друг от друга на приличное расстояние, мы спустились на во-

ду свой корабль «Будь здоров!» и торжественно подняли флаг. Волга, не замедлив, решила показать нам свой крутой нрав. Едва мы успели отплыть, как впереди предупреждающе зашумели перекаты. Приняли решение: девочкам сойти на берег. «Будь здоров!», как волчок, завертелся в водовороте. От скорости и опасности захватывало дух. Первое маленькое испытание силы и воли. Мальчишки его выдержали с честью. Алла, Лена и Лариса простить себе не могли, что подчинились решению и продирались сквозь прибрежные заросли крапивы. Все следующие перекаты преодолевали вместе.

Мы подружились с Волгой и на протяжении всего пути от Селижарова до Зубцова стойко охраняли ее от нашествия браконьеров. Если замечали в реке верши, немедленно вытаскивали и конфисковывали. Из-за этого не раз были стычки и крупные разговоры с браконьерами (наши девочки тут участия не принимали: мы не хотели, чтобы они слушали брань разъяренных хулиганов). Мы останавливались в приволжских деревнях, беседовали с местными жителями, объясняли, как важно беречь богатства природы.

Прогнозы мам не оправдались... Не сбылось ни одно из их опасений. Все ребята вернулись здоровыми, загорелыми и возмужавшими. Одни научились в походе хорошо плавать, другие — чистить картошку, ловить рыбу, варить уху и кашу. А сколько они привезли впечатлений!

Волжские летние ночи... Где-то совсем рядом, в зарослях ивняка, заливаются соловей. Костер обдает горячим дыханием лица, перемазанные золой от печеной картошки. И над самой водой звенит песня... Разве такое забудешь! Мы увидели родную землю, ощутили ее простор, красоту и поняли: это — счастье.

И снова наш «Будь здоров!» готов к плаванию. Только экипаж теперь вдвое больше: уже не десять, а двадцать ребят. А еще через год их будет сорок, потом... Потом придется строить флотилию. Всегда так: хорошее дело важно начать.

Н. ЩЕРБАКОВ

Фото автора.

Москва.

Наступление на браконьеров началось.

А вот и мы!

Почему мы так говорим

Многие устойчивые выражения не всегда были достоянием народа. Есть такие фразеологические обороты (идиомы), которые первоначально употреблялись только среди людей определенной профессии, рода деятельности и т. п., а потом вошли в общенародный язык. Вот несколько примеров такого перехода устойчивых выражений из профессиональной речи или жаргонов в язык народа.

Без сучка, без задоринки

Выражение возникло в речи столяров, деревообделочников. Что такое сучок — понятно. А вот словом «задоринка», «задорина» у столяров называется негладкое, «задрванное» место на обрабатываемом куске дерева. Сделать вещь «без сучка, без задоринки» — значит сделать ее гладкой, хорошо обструганной, отшлифованной. Сейчас словосочетание «без сучка, без задоринки» употребляется в значении «без препятствий и помех». Иногда говорят также «ни сучка, ни задоринки» или просто «без задоринки».

Зеленая улица

Это словосочетание происхождением своим обязано железнодорожникам. Дать зеленую улицу — значит открыть какому-то железнодорожному составу беспрепятственный проезд, свободный путь, сделать так, чтобы на его пути всегда горел зеленый свет светофора. Выражение употребляется в этом смысле и сейчас, но значение его расширилось, выйдя из узких, «железнодорожных» рамок. Мы говорим: «Полмирам — зеленую улицу!», «Рационализаторским предложением — зеленую улицу!» и т. п. Поэтому, например, выражение «Химическим удобрениям — зеленую улицу!» может быть понято двояко: 1. Не чинить препятствий в перевозке химических удобрений. 2. Не чинить препятствий в их производстве.

Отвечаем читателям

Если слова «автор», «аспирант» относятся к женщине, то как надо писать: «автор сказала» или «автор сказал»?

И еще прошу разъяснить, как правильно: «отзыв на книгу» или «отзыв о книге»?

г. Одесса. **О. БАЛИЦКАЯ**, машинистка

При имени существительном мужского рода, обозначающем должность, профессию, звание, сказуемое обычно ставится в мужском роде, если даже речь идет о женщине. Поэтому правильно будет автор сказал, аспирант написал.

Следует, однако, иметь в виду, что такая форма иногда может оказаться недостаточно ясной: неизвестно, к кому она относится — к мужчине или женщине. В таких случаях лучше называть и фамилию или имя-отчество лица. Но тогда сказуемое должно согласовываться в форме рода уже не с профессией, а с именем собственным. Например: автор Иванова сказала, аспирант Евгения Ивановна написала и т. д.

Относительно отзыва — равноправны обе формы: на книгу и о книге.

Втирать очки

Когда мы слышим выражение «втирать очки», мы понимаем его так: обмануть, представить что-либо в выгодном для себя освещении. Этот оборот пришел в язык из жаргона картежников. Картежники-шулера имели фальшивые карты; некоторые знаки на них («очки») были подрисованы легко стираемой краской. Когда шулеру требовалось сделать, скажем, из семерки шестерку, он незаметно стирал («втирал») одно очко. В современном языке от выражения «втирать очки» (происхождение которого неизвестно большинству говорящих) образовались слова «очковтиратель», «очковтирательство».

Идти в фарватере

Выражение возникло в речи моряков. Фарватер — часть водного пространства, безопасная для прохода судов. В современной газетной речи оборот «идти в фарватере» употребляется в значении «следовать кому-либо, придерживаться каких-либо взглядов, какой-то политики» и т. п.

Без труда угадывается также «профессиональное» происхождение таких устойчивых выражений, как «играть первую скрипку», «смотреть удочки», «гнаться за двумя зайцами», «тянуть лямку» (из речи бурлаков), «разделать под орех» (из речи столяров) и др.

А. КАЛИНИН

Разговор в трамвае

— Граждане, правильно оплачивайте за проезд!

Обратили ли вы внимание на то, что многие водители трамваев, автобусов, троллейбусов в любом городе произносят эту фразу именно так? Слово «говорились!»

И совершенно напрасно. Они явно путают два глагола: платить и оплачивать.

Платить можно за что-нибудь: за товар, за работу, за проезд и т. д.; глагол оплачивать требует винительного падежа (кого-что), поэтому правильно будет: платите за проезд, но оплачивайте проезд.

Отдел ведет доктор филологических наук А. И. ЕФИМОВ.

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ, правильно ли вы делаете ударение

лассó
лédник (погреб)
лédник (глетчер)
лéпта
ловя́щий
лозу́нговый
ломо́та
маня́щий
маскиро́вать
маслопро́вод (мусоропро-
вод и т. п.)
путепро́вод, нефтепро-
вод и т. п.)
мастерски́
мастерство́
мельком
мизéрный
миллиме́тр
минерало́г
минусовый
мину́ть
мири́шь, мири́шься
мозаичный
моноло́г
морить, моритьсá
морко́вь
мота́льщица
му́скулистый
муштра́
мыта́рство, мыта́рь
наворочу́, навороти́шь
наговóр
надóлго
наискось
намерева́ться
наме́рение
на́рочный
нефтя́ник
новорождéнный
нормировáние, нормировáть
обезуметь
обеспéчение
облегчи́ть
ободрить
обостри́ть
обы́денный
оглуше́нный
озлобле́нный
озорничáть
оперитьсá
осведомить
отча́сти
па́мятуя
паралич
пепелище
пихта
планёр
платó
плéсневеть
побелённый
полу́денный
превыо́дненный
предложит, предложил
предмёт
прибедни́ться
привóд, приво́ды
привороже́нный

ОПЕЧАТКА. В части тиража журнала «Работница» № 6 в разделе «Язык мой — друг мой» (стр. 29) слово «образы» приведено с неверным ударением. Правильно образы.

ПЕЛЕНКИ, ОДЕЖКИ, КОЛЯСКА ВАШЕГО РЕБЕНКА

Скоро у вас будет ребенок, и поэтому вы так часто заглядываетесь на детские коляски. Вам хочется одеть малыша в белоснежные одежки и не иметь на пеленках ни одного пятнышка. Но у вас нет опыта, потому что вы ожидаете первенца. Попробуем облегчить ваше положение, предложив способ стирки детской одежды и пеленок. Распашонки и кофточки меняют каждый день после купания, а пеленки — 5—6 раз в день. Лучше их стирать сразу же. Грязные пеленки прополощите в холодной воде, намылив, за-

мочите их снова на полчаса и затем выстирайте с мылом в двух горячих водах, тщательно потерев. После этого залейте кипящей водой, которая одновременно и дезинфицирует и отбеливает.

Если у вас нет возможности сразу выстирать выпачканные пеленки, не давайте им высохнуть грязными, а хорошо прополощите и, намылив, оставьте в холодной воде.

Если, несмотря на тщательную стирку, пеленки все-таки пожелтеют, выбелите их на солнце, повесив сушить недовыжатыми. Прежде чем пеленки окончательно высохнут, намочите их и снова повесьте.

Высохшее детское белье нужно складывать в мешо-

чек, корзину или простынку. Никогда не смешивайте его с одеждой взрослых. Детские пеленки и одежки необходимо гладить. Это не только улучшает их вид, но и дезинфицирует их. Выглаженное белье раскладывайте в зависимости от назначения и величины в специальном отделении комода, гардероба или в чемодане.

x x x

Как бы ни была нова и красива коляска, если не следить за ней, она быстро приобретет неприглядный вид: металлические части потемнеют, клеенчатые — облезут. Вот почему после возвращения с прогулки нужно уделить немного времени уходу за ней. Протрите ее сначала влажной тряпкой, а затем сухой. Металлические части можно смазать вазелином.

Если вы живете на верхнем этаже и не поднимаете коляску после каждой прогулки, то ставьте ее в какой-нибудь угол, где не проходят люди и, следовательно, не бывает много пыли. Пустую коляску закрывайте клеенкой или полиэтиленовым полотнищем.

Чтобы хлеб меньше черствел, в посуду, где он хранится, положите яблоко.

Желтки яиц, не использованные сразу, можно сохранить свежими: для этого надо положить их в чашку и залить холодной водой.

Пятна от кофе и какао очищаются, если выстирать вещь в теплой соленой воде, а затем прополоскать в прохладной.

Чтобы мухи не влетали в окна, смажьте оконные рамы уксусом.

Если вы подпалите вещь утюгом, смочите пятно соком репчатого лука и оставьте на несколько часов. Затем вещь выстирайте, и пятно исчезнет.

Последите за собой, пожалуйста!

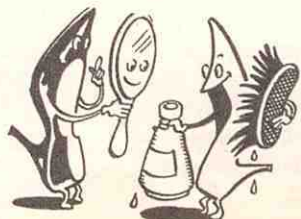
Женщина должна быть всегда опрятно одетой: и дома, и на улице, и на работе. Малейшая небрежность может испортить даже самый красивый и модный костюм. Если платье не отглажено, оно уже не имеет вида. Не к лицу сделанная прическа перечеркнет все ваши старания выглядеть красиво.

Летом уход за волосами должен быть особенно тщательным. Главное, чтобы волосы были всегда чистые и аккуратно уложены. Многие женщины сами научились с помощью бигуди делать красивые прически. Это хорошо. Но выходить из дому с бигуди на голове неприлично. А ведь случается такое: иная женщина закрутит волосы, а потом покроет голову косынкой и идет за покупками.

У наших девушек все еще не прошло увлечение высокими и сложными прическами. А уж если говорить откровенно, девушки со взбитыми волосами теряют очарование юности, выглядят значительно старше своих лет. К тому же постоянное тупирование портит волосы: они теряют блеск и становятся ломкими. Неэстетично выглядят и обесцвеченные перекисью длинные распу-

щенные волосы: они всегда кажутся нерасчесанными. Летом лучше всего коротко стричь волосы: за ними легче ухаживать. Поклонникам длинных волос мы рекомендуем носить косы. Косы снова входят в моду. Их можно красиво укладывать.

Обувь — немаловажная деталь в общем ансамбле. Она должна быть легкой, удобной. Поэтому тщательно примеряйте туфли, прежде чем их купить. И еще: не надевайте новые туфли, отправляясь на прогулку, в гости или на танцы. Ноги быстро устанут, а если к тому же окажется, что туфли жмут, то у вас будет испорчено настроение. Боль в ногах сделает вашу походку неуклюжей. Разнесите туфли вначале дома. Обувь требует тщательного ухода. Стоптаные каблук и нечи-

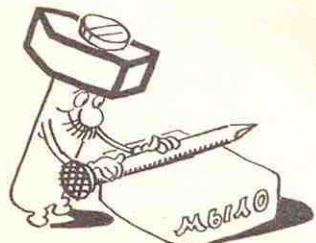
щенные туфли придают человеку неопрятный вид.

Не забывайте и о чулках. Даже самые стройные и красивые ноги будут казаться кривыми, если шов на чулке сдвинется в сторону. И следите за тем, чтобы чулки были всегда хорошо натянуты.

Летом в жаркий день вы часто покупаете на улице мороженое. Остановитесь здесь же, недалеко от продавца, спокойно поешьте, а затем уже идите дальше. Человек, жуящий на ходу, выглядит непривлекательно.

Некоторые девушки, садясь, приподнимают юбку, чтобы не помять ее. Это некрасиво. Юбку нужно расправлять быстрым и незаметным движением руки.

Если вы куда-то едете, то в поезде можно переодеться в дорожное платье, легкое и удобное. Но для этой цели не подходят ни домашний халат, ни ночная пижама. Женщина, разгуливающая по перрону во время остановки поезда в халате, производит неприятное впечатление. И, конечно, нельзя в такой одежде появляться в столовой или ресторане.

Гвоздь легче забить в дерево, если его смазать мылом.

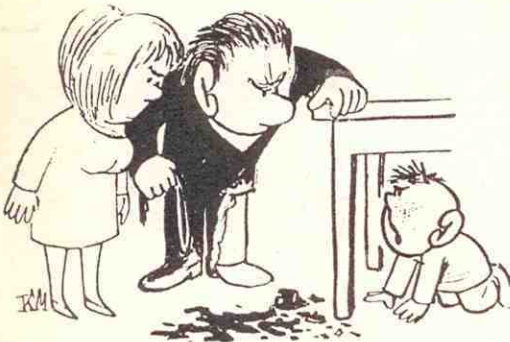
Юбку вешайте на вешалки всегда с двух сторон на крючки, чтобы она не мялась и не теряла форму.

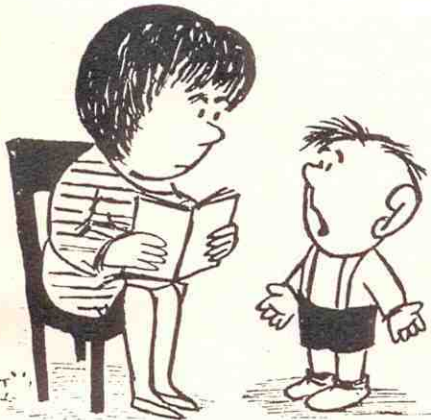
Мыши исчезнут из дома, если пол около плинтусов в комнатах, кладовой и коридорах посыпать сушеной ромашкой.

Юмор польских друзей

Рисунки Казимежа МОЗОЛЕВСКОГО.

— Не забывайте, что все-таки я ваша радость!

— Конечно, я мог бы надорваться и получить хорошие отметки. Но думаю, что ты предпочтешь иметь дома здорового, веселого ребенка, а не хилого зубрину!

— А такого словаря, чтобы со стариками договориться, у вас нет?

КОНГРЕСС МОДЫ

В мае 1964 года в Москве проходил конгресс моды стран — участниц Совета экономической взаимопомощи. Модельеры Чехословакии, ГДР, Венгрии, Румынии, Польши и СССР показали свои коллекции и рассказали о направлении моды.

Силуэты женской одежды в основном не претерпели больших изменений. Прежнему модны и прямые и слегка припаленные или с чуть расширенной юбкой платья, рукава покроя реглан и полуреглан. Во многих вещах линия плеча кажется шире за счет выпуклого оката рукава. Это достигается вытачкой или швом. Часто рукава заканчиваются манжетами — от узких до довольно широких.

Нарядные и летние платья в большинстве своем без рукавов, со скошенной сверху линией проймы, открывающей плечо. В блузках и платьях рубашечного покроя пройма спущена и зачастую отстрочена.

Воротники как бы вытянулись, концы их стали более длинными, иногда пристегиваются пуговицами. Овальные вырезы окаймляются подкройными плоскими воротниками с закругленными концами. Маленькие рубашечные воротники на стоечках остались. В нарядных платьях появились мягкие воротники «хомутики» и свитерообразные, высокие стойки — в дневных платьях. Часто вырез нарядного платья отделан плиссированной оборкой. Много платьев без воротников. Очень распространены планки. В основном они узкие, длинные, с застежками на мелких пуговицах.

Очень разнообразны карманы: прорезные, продольные и горизонтальные, накладные, отстроченные, клапаны прямые и фигурные с пуговицами. Модны банты как широкие, со свободными мягкими концами, так и небольшие, строгие, плоские. Узелки бантов часто украшены брошками. Украшений мало: это брелочки, пряжки или пояса-цепи на нарядных платьях. Пояса носят как узкие, так и широкие, подкройные. Модны пояса в виде жгута из основной ткани или из кожи. Пуговицы мелкие, плоские, металлические, перламутровые или деревянные. Модны запонки, часто их делают большими, в виде старинных монет.

Большее внимание уделяется цветовому решению костюма. Основными в модной гамме являются различные коричневые оттенки — от самого светлого до глубокого. Много зеленых — от холодного бирюзово-зеленого до болотного.

Популярен желтый цвет — лимонный, оранжевый, охра. В моделях спортивного характера и молодежных хорошо смотрелись различные красные цвета — от светлого до свекольно-красного. Для более старшего возраста было несколько предложений в мягком синем цвете. Очень модна различная клетка: крупная и мелкая, яркая и однотонная.

На нашей обложке мы предлагаем несколько моделей, зарисованных на конгрессе.

1. Венгрия

Костюм «тройка» для женщин старшего возраста. Жакет и юбка из ткани в мелкую черно-белую клеточку. Жилет черного цвета, отделан узенькой клетчатой бейкой. Такой фасон годится на все размеры.

2. Румыния

Платье из шерстяной рогожки светлого серого цвета с оранжевым шейным платочком. Линия реглана подчеркнута строчкой. Застежка на планке; вытачки косые, создающие гибкий силуэт. Можно рекомендовать до 50-го размера.

3. Чехословакия

Костюм из шерсти цвета топленого молока с набивной блузкой в рыжево-коричневых тонах. Можно рекомендовать до 50-го размера.

4. Польша

Нарядный костюм из набивной ткани в коричнево-золотисто-зеленых тонах. Жакет со срезанными внизу полочками чуть притален спереди. Этот фасон подойдет для всех.

5. Болгария

Молодежный ансамбль: маленькое красное шерстяное платье и прямой жакет из белой шерсти, отделанный узкими красными бечечками.

6. СССР

Платье, пальто и шапочка из шерстяного фактурного трико. Подойдет такой фасон для всех размеров.

7. Германская Демократическая Республика

Костюм из однотонной набивной ткани для женщин старшего возраста. Воротник и планки из белого пике. Можно рекомендовать для всех размеров.

Рисунки Н. ГОЛИКОВОЙ.

По следам неопубликованных писем

Тревожное письмо пришло в редакцию из Кызылординского дома инвалидов. Ф. В. Барабанов и Л. И. Шматок писали о том, что в доме инвалидов творятся безобразия, директор Балапанов грубо обращается с людьми.

По просьбе редакции Министерство социального обеспечения Казахской ССР проверило эти факты. Они подтвердились. Директор дома инвалидов Балапанов с работы снят.

На первой странице обложки: Раиса Шевелькова из Кабардино-Балкарии с дочкой Светланой отдыхает в евпаторийском пансионате имени Розы Люксембург.

На четвертой странице обложки: Ребята из детского санатория «Евпатория» на морской прогулке.

Фото Н. МАТОРИНА.

К этому номеру дается бесплатное приложение: рисунок вышивки для детского коврика и выкройки модных отделок блузок.

Адрес редакции:
МОСКВА, А-15, БУМАЖНЫЙ ПР., 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
промышленного — Д 3-35-69; международной жизни — Д 3-30-63; литературы и искусства — Д 3-30-63; семьи и быта — Д 3-38-15; художественного оформления — Д 3-34-79; писем — Д 3-34-15; зав. редакцией — Д 3-30-05.

Главный редактор В. Е. ВАВИЛИНА.

Редакционная коллегия:

Н. С. БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ,
В. П. ВЫСОЦКИЙ, В. А. ГЕРАСИМОВА,
М. Н. КОЗЫРЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО,
Е. Д. МИШИНА, А. А. СЕВЕРЬЯНОВА,
З. Н. ТИМОФЕЕВА [зам. главного редактора].

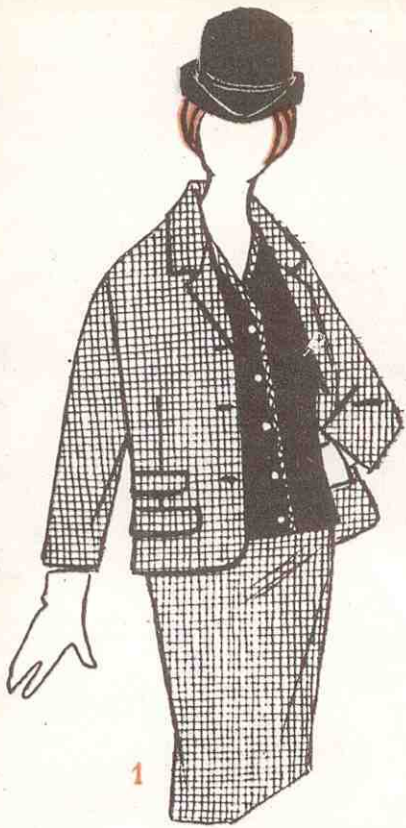
Оформление художника
Я. МИРОШНИЧЕНКО.
Технический редактор
Т. ЖУРАВЛЕВА

А 00707. Подписано к печати 7/VII—64 г.
Тираж 4 200 000 экз. Зак. № 1758.
Изд. № 1331. Формат бумаги 60 × 92¹/₈.
2,75 бум. л.—5,5 печ. л.

Ордена Ленина типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

КОНГРЕСС

МОДЫ

33

Цена номера 10 копеек.
Индекс 70770

